

Тессония Одетт

РЕТЕЛЛИНГ «КРАСАВИЦЫ И ЧУДОВИЩА»

Young Adult. Связанные узлами с фейри

Тессония Одетт

Проклятие короля-оборотня

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Одетт Т.

Проклятие короля-оборотня / Т. Одетт — «Эксмо»,
2021 — (Young Adult. Связанные узлами с фейри)

ISBN 978-5-04-176465-4

Все, чего желает Джемма, – это собрать осколки своего разбитого сердца и оставить позади мир интриг и обмана. Но когда она попадает в плен к королю фейри, то снова оказывается втянута в опасную игру. Измученный проклятием, король Элиот решает использовать ничего не подозревающую Джемму. Все, что ей нужно сделать, – спасти его от неминуемой гибели. Но есть одна сложность – для этого им придется обманом заставить кого-то влюбиться в чудовищного и опасного Элиота. Однако там, где еще недавно были ненависть и страх, однажды могут пробудиться любовь и желание. Вот только когда проклятие будет снято, Элиот снова станет волком и девушка потеряет его навсегда. Сможет ли Джемма отказаться от своих чувств? Или любовь заставит ее пожертвовать куда большим, чем собственным сердцем?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-176465-4

© Одетт Т., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава I	7
Глава II	10
Глава III	16
Глава IV	20
Глава V	26
Глава VI	31
Глава VII	35
Глава VIII	39
Глава IX	44
Глава X	48
Глава XI	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Тессония Одетт

Проклятие короля-оборотня

Tessonja Odette
Curse of the Wolf King

© 2021 by Tessonja Odette

© Елизарова А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава I

Просто дыши. Здесь им мне не навредит. Никому меня не достать.

Я тяжело вздыхаю, глядя в окно, и оно запотеваает, скрывая от меня гигантские снежинки, падающие с необъятного белоснежного неба на улицу. Прижимаю к стеклу указательный палец и рисую круг, от которого затем в разные стороны протягиваю несколько линий. Не успеваю довести последнюю, как изображение растворяется, забирая мое временное солнце.

Вздыхаю еще раз и хмурюсь. Не выношу снег. Почти так же, как этот город.

Я шурю, сквозь снежинки разглядывая нашу оживленную улицу. На противоположной стороне высится ряд таунхаусов, идентичных моему. Из дверного проема одного из них шумно вываливается семья, но по приближении к усыпанной гравием улочке все берут себя в руки. Отец поправляет галстук, приподнимает шляпу и, вероятно – по губам читать я не умею, – радостно приветствует шествующих мимо соседей, после чего завязывается короткая беседа. Они слишком далеко, и из своей гостиной мне не удастся расслышать их разговор, зато громкие возгласы резвящихся детей преодолевают даже расстояние и стены. Мальчик и девочка, завидев снег, задирают головы и широко улыбаются, принимаясь прыгать на носочках. На мгновение у меня даже закрадывается мысль, что летящие снежинки, предвестники мороза, не так уж и ужасны. Но мать вдруг гаркает на своих чад, вынуждая их замолчать и встать смиренно, а затем одаривает соседей неестественно широкой улыбкой, и нашей с детишками радости как не бывало.

– Миссис Астон, вы абсолютно правы, – бормочу язвительно себе под нос. – Из детей нужно выбивать всю радость, пока не стало слишком поздно. Мы же не хотим, чтобы их любовь к жизни и приятным мелочам запятнала вашу безупречную репутацию.

Я качаю головой и, фыркая, отворачиваюсь от окна. Миссис Астон, как и прочие обитатели Вернона, узколовая и категоричная ханжа. Даже не верится, насколько я была наивна, раз считала, что в этом городе начну новую жизнь. Что сбегу от ограниченного общества с надуманными условностями и наконец смогу быть просто... собой.

Но нет. Мне здесь не место, ведь жители сразу для себя решили, кем и чем я должна быть. Дочерью. Женщиной. Боевой супругой. Молчаливой. Скромной. Непорочной.

У кого-то могло сложиться впечатление, что, перебравшись на остров, которым правят фейри – хотя мне думалось, что эти наделенные магией создания существуют только в мифах, – вы очутитесь в мире с иными социальными нормами. Когда отец объявил, что перевозит нас с младшей сестрой из Бреттона на Фейривэй, причем в Зимнее королевство, меня одолели смешанные чувства. Ужас. Шок. Облегчение. И да, самое жалкое из всех – надежда. Но не стоило обольщаться. Выяснилось, что городам Фейривэя, населенным людьми, свойственна та же чопорность населения Бреттона.

Вот бы отправиться домой. Туда, где настоящий дом. Не нынешний. И даже не в тот, что в Бреттоне, а в дом детства, где круглый год светило солнце, покрывавшее мою кожу загаром, пока мы с сестрой играли на воздухе, и ничто не могло сломить наш дух. Тогда мы веселились. Чувствовали себя счастливыми. Вся семья была в сборе, а мама все еще...

У меня непроизвольно напрягаются плечи. Тряхнув головой, я избавляюсь от непрошенных мыслей и направляюсь к камину, расположенному на другой стороне гостиной. Дойдя до него, опираюсь на одну ногу, оставив бедро, и гляжу на языки пламени, скрестив руки. Уверена, леди не подобает принимать такую позу, однако я сейчас одна, и мне на это начхать.

Мне удастся справиться с дрожью, но все же хочется, чтобы камин прогрел помещение получше. Как так вышло, что я живу на землях, пропитанных магией, а нам все равно приходится страдать от холода? Хотя, казалось бы, эта проблема должна была остаться в прошлом.

Уж из всех королевств Фейривэя именно в Зимнем обогрев жилья горожан должен стоять в приоритете. Разве не так?

Я стискиваю зубы и ругаюсь под нос.

Святые выси, и чего я сегодня на взводе?

Бросаю взгляд на чайный столик у дивана, на котором лежит и дразнит меня потрепанная книга.

Ах, точно. Потому что мне нечего читать. Снова.

Я иду к дивану и, подхватив шаль с одной из подушек, накидываю ее на плечи. Беру книгу и, устроившись среди диванных подушек, разглаживаю складки синей атласной юбки, стараясь укрыть ноги полностью, при этом коря себя, что не надела шерстяные чулки вместо шелковых. Притягиваю за провод поближе высокую напольную лампу, включаю ее, и страницы заливают теплый рассеянный свет.

Пускай у нас нет передовых технологий для обогрева помещений, зато есть электричество для освещения – ну, или некая его форма. Если в Бреттоне оно вырабатывалось традиционными способами, то здесь, с помощью какой-то магии фейри, струилось по силовым линиям или их подобию.

Я открываю книгу и, перевернув страницу, на которой написано название – «Гувернантка и повеса», – перехожу к чтению. Стоит только начать, и знакомые слова избавляют меня от нервозности и проливаются бальзамом на душу. Но только дохожу до третьей страницы, и разум пускается блуждать. Сколько бы я ни обожала эту историю, в четвертый раз с ней знакомиться не так увлекательно. Мне нужно что-то новое. Просто необходимо!

Захлопнув книгу, возвращаю ее на столик. Зубами прикусив кончик ногтя большого пальца, направляюсь к своему привычному наблюдательному посту у окна и замечаю, что за время моего отсутствия людей на улице прибавилось.

Возбужденные голоса пешеходов смешиваются с топотом лошадиных копыт, треском повозок и ревом двигателей редко проезжающих автомобилей, пока те не отъезжают совсем далеко, а мое сердце от всего этого бешено колотится.

Я мысленно переносусь на похожую улицу из воспоминаний, гудевшую от насмешек и перешептываний, сопровождаемых взглядами, полными нескрываемой ненависти и презрения. Направленными лишь на меня. И ранили они не хуже хлыста, полосующего плоть.

Прикусив щеку изнутри, беру себя в руки.

Просто дыши. Это в прошлом. А ты в настоящем.

Черт бы все побрал, мне правда нужна новая книга. Иначе разум доведет меня до предела. Но чтобы приобрести новое чтиво, потребуется выйти из комнаты. Пройти по проклятому снегу... среди всех этих людей.

Я тяжело сглатываю.

Мы живем в Верноне вот уже три недели. Первая неделя походила на передышку. Будучи городом для отдыха, недавно открывшимся у гор Зимнего королевства, Вернон приветствовал нас как одну из первых семей, решивших в нем поселиться. Среди новых магазинчиков, ломившихся от нетронутых товаров, к моей радости, обнаружилась книжная лавка. Признаюсь, она тут же обрела статус моего личного рая, и во время первого посещения я потратила в ней все содержание, выдававшееся мне на неделю. Во вторую неделю в пустовавшие дома заезжало все больше семей, в том числе шумная миссис Астон. Однако я продолжала сбегать в книжные миры, и когда истории заканчивались, спешно пополняла запасы. Но в начале этой недели поток прибывающих все продолжается, и по тротуарам снуют толпы уже устроившихся новых жителей и временно очутившихся здесь гостей. Все они с нетерпением ожидают события, негласно признанного знаменательным, – старта светского сезона Зимнего королевства.

Некогда светские сезоны нравились и мне, но теперь я от них в ужасе. С большой буквы «У», приправленной красочными ругательствами. Которые леди говорить не подобает ни в коем разе. Черт. Проклятье. Твою мать.

Мне на самом деле необходима новая книга.

Стиснув руки в кулаки, бросаю на улицу еще один взгляд и разрешаю себе испытывать страх, пока не досчитаю до пяти.

Один.

Книжная лавка всего в паре кварталов.

Два.

Никому не ведомо мое прошлое.

Три.

Меня не знают.

Четыре.

Если я все сделаю правильно, никто и не узнает.

Пять.

Глубоко вздохнув, я выравниваю спину и сглатываю страх. Затем втягиваю живот, хотя с этим справляется корсет, и расправляю плечи. Приглаживаю черные волосы, чтобы ни одна волнистая прядь не выбилась из модного пучка, собранного на затылке. Задираю подбородок и растягиваю губы в надменной ухмылке – это главная деталь маски, которую я вынуждена носить. Личности, что я представляю миру. И чьей целью является поддерживать во мне силу. Уверенность. Невосприимчивость к боли.

На самом деле все не так, да.

Но именно такую маску я, Джемма Бельфлёр, научилась носить мастерски.

Глава II

С высоко поднятой головой выхожу через парадную дверь. Сразивший меня морозный ветер игриво пытается выманить тепло из-под плотного шерстяного пальто. Я сильнее затягиваю соболиный воротник, отчего ворсинки щекочут щеки, и жалею, что его высоты не хватает, чтобы прикрыть уши. По крайней мере, широкие полы шляпы защищают от непрерывно опускающихся с неба снежинок.

Звуки, тревожившие меня, даже когда я находилась в безопасности, за окном гостиной, казалось, стали громче в десять раз, и у меня учащается пульс. Однако это не стирает ухмылку с моего лица. Мимо проносятся ревушие автомобили, разгоняющие пешеходов со своего пути, а я не выражаю ничего, кроме непоколебимого спокойствия. Отчасти мне хочется рвануть обратно к теплу камина, в тишину гостиной, но я заглушаю эту часть себя и запикиваю ее в дальний угол сознания, стараясь сосредоточиться на задачах.

Дышать. Улыбаться. Притворяться.

Глубоко вздохнув, спускаюсь с нижней ступеньки крыльца на тротуар, и сапоги на низком каблуке погружаются в покрывшийся пылью свежий снег. Здесь он всегда свежий, и его слой никогда не превышает четверть дюйма, сколько бы ни выпало вчера. Вероятно, этот момент контролируется магией.

– Мисс Бельфлёр! – доносится голос с другой стороны улицы.

Мне бодро машет рукой миссис Астон, а я проклиная себя за автоматическую реакцию. Не случись у нас зрительного контакта, можно было бы притвориться, что я ее не видела. Но слишком поздно. Она уже торопливо переходит дорогу. Мне удастся подавить стон, хотя, полагаю, избавиться от недовольства во взгляде так и не выходит. Не желая казаться совсем уж грубой, выдавливаю улыбку.

– Мисс Бельфлёр, – повторяет она, подойдя ко мне. – Ваш отец дома? Я хотела пригласить вас и вашу сестру сегодня на ужин.

Пешеходам приходится нас обходить, и у меня спирает дыхание. Ненавижу стоять в толпе. Терпеть не могу. Так и слышу шепот, издевательства, язвительные комментарии, смешивающиеся с топотом копыт и прерываемые криком клаксонов автомобилей...

Моргнув пару раз, я отгоняю воспоминания. *Ты в настоящем. Ты здесь и сейчас.* Сосредотачиваюсь на внешней обстановке и удосуживаюсь припомнить вопрос миссис Астон.

– Нет, отца дома нет, – отвечаю я и не произношу и лишнего слова.

– Ох, но вы обязательно должны зайти в гости. И познакомиться с Гэвином. Он наконец в городе. – Ее глаза светятся от возбуждения, а улыбка сочится излишней приветливостью.

– Гэвином, – глухо отзываюсь я.

– Моим старшим сыном. – Уголки ее губ чуть опускаются. – Если помните, я рассказывала о нем во время последнего чаепития.

– Ах. – Киваю. И теперь понимаю, что к чему. Самый гнусный элемент каждого светского сезона. Сводничество. Мне пора удалиться. – Отец с сестрой на рыночной площади. Уверена, когда он вернется, вы сможете с ним все обсудить.

Я делаю шаг в сторону, но миссис Астон делает то же самое.

– А вы слышали о мисс Уезерсби? – Она понижает голос, будто ей не хочется, чтобы нас услышали, но говорит недостаточно тихо, словно на самом деле у нее обратная цель. – Когда я слышала, то удивилась сильнее прочих. Она отправилась на прогулку с мистером Эвансом, на минуточку, без сопровождения! И...

– Миссис Астон, – перебиваю я ее с некоторой резкостью. – Сомневаюсь, что это мое дело, меня даже не представляли ни мисс Уезерсби, ни мистеру Эвансу.

Ее и так румяные щеки алеют еще сильнее. Она поджимает губы, после чего растягивает их в неискренней улыбке.

– Мисс Бельфлёр, я лишь вела к тому, что они видели волка. Причем оба! На краю леса, прямо на Уайтспрус Лэйн. Всего-то хотела вас предупредить.

Я стискиваю зубы. Именно так и зарождаются самые гадкие слухи – под видом новостей, которыми вроде бы благоразумно поделиться. Я с подобным уже сталкивалась: «*Я была бы ужасной подругой, если бы не призналась*» или «*Я это рассказываю лишь потому...*» Причина есть всегда. Вечно есть оправдание желанию вторгнуться в чьи-то самые интимные мгновения.

Сжав руки в кулаки, я чувствую, как натянулась ткань тонких перчаток. Мне требуется вся выдержка, чтобы сохранить самообладание. По крайней мере, раздражение пересиливает страх. И люди, что нас обходят, видятся расплывчатыми фигурами. Когда я говорю, мой голос не дрожит. Слова вылетают спокойно. В соответствии с выбранным мною образом.

– Мы живем в Зимнем королевстве, миссис Астон. Замеченный на краю леса волк едва ли заслуживает внимания, в отличие от сплетни, которую вы так искусно вплели в эту новость.

Я думала, она снова покраснеет, но миссис Астон выглядит сбитой с толку. Более того, моя отповедь будто придает ей смелости, и ее улыбка становится шире.

– Это мог быть волк-фейри.

– Здесь? – изображаю я удивление. – В самом сердце королевства фейри? Ну что вы, никогда бы не подумала, что такое вообще возможно.

На этот раз она, по всей видимости, понимает намек. Складывает перед собой руки и фыркает.

– Мы нечасто сталкиваемся здесь с фейри, мисс Бельфлёр. Все же это город для людей.

– Вернон открылся всего несколько недель назад.

– Оттого появление каждого фейри становится новостью! – Она кладет руку мне на предплечье и с покровительственными нотками в голосе медленно начинает напутствовать: – Джемма, дорогуша, вы пока новенькие в Фейривэе и еще не разобрались в наших порядках. Возможно, фейри нами и правят и в некоторых городах могут свободно ходить среди людей, но здесь, на юге, такое случается редко. Большинство высших фейри обитают в северных городах, ближе к дворцу благого короля, а низшие, какие-нибудь волки и медведи, предпочитают держаться подальше от городов вроде нашего.

Я вымучиваю улыбку и наклоняю голову.

– Ну что вы, мне все это рассказывали. А еще говорили, что фейри оскорбляют термины вроде «высшие» и «низшие», они предпочитают зваться «благими» и «неблагими», потому предлагаю воздерживаться от повторения первых форм.

Миссис Астон небрежно отмахивается.

– Это только если они слышат. Не то чтобы я здесь кого-то оскорбляла. Как я и сказала, едва ли в Верноне живут фейри. Но это, разумеется, если не считать новую супругу мистера Хэмиша. Вы с ней еще не встречались? Похожа на нас, но поговаривают, будто она наполовину пикси! Представляете?

Похоже, эту женщину пронять невозможно. Впрочем, учитывая наш прошлый опыт общения, не стоило рассчитывать на иное течение беседы.

– Мне пора, миссис Астон.

Я вновь делаю шаг в сторону, но она снова перегораживает мне дорогу.

– А куда вы идете? Вдруг нам по пути? Мы как раз идем встречать Гэвина. Уверена, раннее знакомство...

– Какое щедрое предложение, – перебиваю я ее, даже не смягчая тона. – Но мне нужно идти одной. Хорошего дня.

Миссис Астон открывает рот, чтобы возразить, но я успеваю удалиться – и в этот раз поскорее.

* * *

В книжной лавке, как и всегда, почти никого.

Стоит двери закрыться за моей спиной, и я наконец могу вдохнуть полной грудью. Более того – ослабить бдительность. Здесь я могу быть собой. И окунуться в тишину.

Направляюсь к продавцу, мистеру Корделлу, и когда оказываюсь перед ним, он кивает мне с теплой улыбкой. Этот седовласый пожилой джентльмен с водянисто-голубыми глазами, вероятно, лет на двадцать старше моего отца. Я улыбаюсь ему в ответ, на этот раз искренне, ведь перед ним мне не нужно носить маску.

– Ну и сколько сегодня, мисс Бельфлёр? – интересуется он.

– Нужно подумать. Есть что-нибудь новенькое?

Мистер Корделл притворяется, будто и впрямь размышляет, глядит на меня щурясь и стучит пальцем по подбородку.

– Так-так, нового-то у меня много. Но из того, за чем пришли вы...

– Не томите. Говорите! – выпаливаю я, хохоча.

Преувеличенно вздыхая, он лезет под стойку и вытаскивает прямоугольный предмет, завернутый в ткань. Он едва ли успевает толкнуть его ко мне, как я хватаю новинку и мгновенно раздираю упаковку. Читаю название, просто не в силах сдержать писк радости. «Гувернантка и граф»!

У меня перехватывает дыхание. Последняя из вышедших книг в серии «Гувернантка познает любовь». Она здесь. В моих руках. Я прижимаю ее к груди, с открытым ртом и натываюсь на взгляд мистера Корделла. Он понимающе кивает:

– А она хороша.

– Вы уже читали?! Несправедливо. Вы должны были доставить мне ее, как только получили.

– Возможно. Но как бы я еще привлек вас в мою дражайшую лавку, чтобы вы почтили ее своим присутствием? В городе не так много людей с подобным изысканным вкусом.

Должна признаться, он прав. Мне не доводилось встречать людей, которые ценили бы искусство написания романтической истории больше, чем мистер Корделл. Допускаю, что он самый большой – если не единственный – приятный сюрприз, встретившийся мне за все время пребывания в Верноне.

– Лишь благодаря вам я не теряю рассудок, святой старик.

– Не уверен, что могу зваться святым после прочтения восемнадцатой главы. В жизни не так много вещей, способных вогнать меня в краску, однако... скоро узнаете.

Все мое существо затрепетало от желания отправиться домой и тут же погрузиться в книгу. Но, учитывая, как быстро я прикончила предыдущую, стоит захватить с собой больше одной истории.

– Это единственная новинка?

– О нет. Их полно. Просто я знал, как вы обрадуетесь этой, а потому решил, что будет преступлением не приберечь для вас один экземпляр. Пройдитесь, осмотритесь. Вы знаете, где найти лучшие поступления. – Он подмигивает мне, и я устремляюсь к задней части лавки, по-прежнему прижимая к груди «Гувернантку и графа».

Добираюсь до секции с романтикой, и передо мной оказывается стеллаж с любимыми произведениями, большинство из которых я прочла минимум один раз, а некоторые и больше. Меня, подобно пуховому одеялу, окутывает аромат бумаги, благодаря которому я чувствую себя как дома. В безопасности. И становится так уютно, что на глаза накатывают слезы. Я скольжу пальцами по корешкам и заботливо читаю каждое название, словно приветствую старых друзей. Так и есть. Я нахожусь со своими товарищами. Мужчинами и женщинами, уне-

сенными приливами любви, охваченными горечью и безумием чувств, пускай и граничащих с восхитительной глупостью. Разумеется, герои этих книг всегда в итоге оставались с возлюбленными, счастливые, вдали от скандалов, предательств и сердечных проблем. В отличие от меня.

Возможно, именно поэтому мне нравится растворяться в книгах. Как будто в них меня видят без прикрас и принимают со всем пережитым опытом. Где не судят за поступки или учиненный хаос. В этих книгах я получаю окончание, которое отобрали у меня. Окончание, в существование которого в реальной жизни я больше не верю.

Любовь.

Как и моя мастерски скроенная личность, это ложь.

Я продолжаю изучать моих безмолвных компаньонов, добавляя экземпляры с интригующими названиями к растущей кипе на полу, и тут замечаю корешок, так и вопящий, что ему здесь не место. Мне даже не нужно читать название, чтобы понять, что книга очутилась на этих полках по ошибке. Романтическим историям несвойственны невыразительные оттенки и громоздкий размер. Мистер Корделл подобного проступка бы не совершил. Нет, это дело рук беспечных покупателей – от таких у меня просто закипает кровь. Ворча себе под нос, вытаскиваю нарушителя и кладу поверх отобранной стопки. Увидев ее размер, я понимаю, почему мне стоит закупаться в книжной лавке в самом конце месяца. В противном случае скоро буду должна мистеру Корделлу целое состояние.

Собрав покупки вместе с заблудшей книгой, я направляюсь к стойке. И только сейчас замечаю, насколько заполнилась лавка, пока я была очарована своим тихим уголком. Пары бродят, держась за руки, и изучают полки так, будто ищут хрупкие артефакты, а не близких друзей. Две девушки болтают у стола с книгами и лениво перебирают экземпляры, почти не глядя на то, что трогают. Я раньше не видела здесь больше одного или двух посетителей, а сейчас тут настоящее столпотворение. Если в течение светского сезона в Верноне так будет постоянно, придется навещать лавку с утра пораньше.

Устремившись прямо к мистеру Корделлу, я ускоряю шаг. И почти добираюсь до продавца, как вдруг...

– «Бесконечные страдания в саду случайностей». – Мне преграждает дорогу парень, вероятно, на несколько лет старше, и смотрит при этом не в глаза, а на мою грудь. Или на книги, что ее закрывают.

Я прижимаю стопку к себе, а сердце при неожиданном приближении молодого человека начинает колотиться о ребра. Не от восторга, а от всепоглощающего ужаса. Пару раз глубоко вздыхаю, чтобы успокоить нервы, и делаю шаг назад, желая чуть отстраниться.

– Прошу прощения?

Наконец он глядит мне в глаза. Признаю, темноволосый и темноглазый парень симпатичный, на нем модная черная рубашка, небесно-голубой жилет и галстук к ним в тон. Но его не красит снисходительная ухмылка, с которой он говорит, и гнусавый голос, режущий ухо.

– Книга. Лучший образец бреттонской литературы, и, должен признаться, я восхищен тем, что ее держит такая красавица. Это уже говорит о вашем превосходном воспитании и выдающемся интеллекте.

Я противлюсь порыву застонать, ведь понимаю, что он ошибочно решил, будто мне интересна заблудшая книга. И испытываю раздражение оттого, что ему вздумалось, будто по выбору литературы можно оценить уровень моего интеллекта.

– Сэр, я...

– Гэвин Астон, – представляется он с поклоном.

Меня почти разбирает смех. Значит, это сын миссис Астон. Какой сюрприз.

– Мистер Астон...

– А как зовут вас?

– Джемма Бельфлёр, – цежу я сквозь стиснутые зубы. – И я...

Он задирает подбородок и одаривает меня, как ему, вероятно, кажется, чарующей улыбкой.

– Зовите меня Гэвин.

– Мистер Астон, – чеканю я оба слова и суживаю глаза. – Я тороплюсь купить книги.

– Ах да, как глупо с моей стороны. – Не успеваю я среагировать, как он выхватывает стопку из моих рук и несет ее к стойке.

– Я сама могу нести свои книги, – возмущаюсь я и иду за ним.

– Позвольте сопроводить вас домой, – предпочитает он игнорировать мое заявление. – Вам не стоит идти по снегу с такими тяжелыми покупками.

Я выпрямляю спину, и наши глаза оказываются почти на одном уровне. В сравнении с другими девушками я высокая, у меня широкие плечи и бедра. Отец зовет мое телосложение крепким – полагаю, желая поддеть, – однако меня оно более чем устраивает. Сомневаюсь, что этот парень намного сильнее.

– Как я уже сказала, я могу нести свои книги сама.

– Тогда, возможно, вместо этого вы позволите мне взять на себя тягость ведения беседы? Осмелюсь предположить, что в этом городе едва ли есть умы под стать моему.

Повернувшись к стойке, я замечаю нахмурившегося мистера Корделла, чей взгляд мечется от меня к непрошеному собеседнику.

– Мистер Астон, – говорю я, не поднимая на него глаз. – Вы слишком высокого мнения о моем интеллекте. Уверяю, мы с вами не так сильно похожи. Скажу больше, между нами огромная пропасть.

– Мне нравится ваша скромность, но не стоит говорить о себе так уничижительно. Очевидно, что вы если мне и неровня, то точно наполовину так же умны, как я.

У меня трясутся руки, так тяжело сдерживаться и не ударить его в нос, лишь бы вдолбить в него толику здравомыслия. Я демонстративно беру книгу, очутившуюся на чужеродной для нее полке, и пододвигаю ее к мистеру Корделлу.

– Эта книга лежала не в моем отделе. Ее я не покупаю, но возьму остальные. И сегодняшнюю газету, пожалуйста.

Я намеренно не смотрю на мистера Астона, хотя и чувствую, как он прожигает меня своим взглядом.

Мистер Корделл кивает и начинает подсчитывать стоимость книг, снова и снова посматривая на мистера Астона, который по лишь одному ему ведомой причине до сих пор не понял намека и не ушел. Пожилой торговец протягивает мне книги, газету и счет, крепко повязанные одним шнурком.

– С вас двенадцать кварцевых камешков, дорогая.

Я открываю сумочку и достаю из нее двенадцать камешков чистейшего кристаллического кварца – валюты Зимнего королевства – и забираю книги.

Мистер Астон протягивает мне руку и широко улыбается:

– Идем?

Стиснув зубы, я заставляю себя посмотреть ему в глаза.

– В месте, откуда я прибыла, есть одно слово, и мне стоило использовать его раньше, ведь уверена, оно не менее известно и в Фейривэе. И это слово «нет».

Он откидывает голову и разражается хохотом.

– А вы поистине умны...

– Джемма! – доносится до меня женский голос с придыханием. Мне даже не нужно высматривать его владелицу, чтобы узнать ее.

– Ну что за день, – бормочу себе под нос.

Приложив невероятные усилия, я выдавливаю улыбку, лишь бы не заворчать, и поворачиваюсь к своему заклятому врагу.

Имоджен.

Глава III

Имоджен обнимает воздух вокруг меня, потому что из-за разделяющих нас книг иначе поступить сложно.

– Дражайшая Джемма, – произносит она, ее светлые кудри пружинят под розовой шляпой. – Я была выбита из колеи, когда приехала к тебе домой и не обнаружила тебя. Неужели ты забыла о запланированном чаепитии?

– Не забыла, потому что мы ничего не планировали. Припоминаю, что ты говорила, будто заедешь на утренний чай, но я вроде не подтверждала, что буду дома, чтобы принять тебя.

Она смеется, но деланая веселость не касается ее глаз.

– Какая ты забавная, Джемма. Что ж, твоему отцу не понравится, если он услышит о том, что ты пропускаешь наши встречи.

– Нет, – выдавливаю я со вздохом. – Сомневаюсь, что понравится.

Я клянусь отца за то, что он свел меня с Имоджен Коулман, дочерью мерзкой женщины, которую он сопровождает с момента нашего переезда в Вернон. Она зовет себя моей подругой, но на самом деле походит на тюремщика. Следит за тем, чтобы я оставалась чопорной, примерной и не влезала в непристойные скандалы.

– Как славно, что я знала, где тебя искать. – Затем она поворачивается к проклятому парню, стоящему рядом со мной. – Вижу, ты познакомилась с мистером Астоном. Мы старые друзья.

Ох, ну разумеется, они знакомы.

– Рад снова вас видеть, мисс Коулман, – приветствует он ее с поклоном. – Не знал, что ваша семья отправится отдыхать сюда.

Она игриво хлопает его по предплечью.

– Уж стоило догадаться. Моя семья не пропускает ни одного веселого светского сезона.

– Да. Кто-то мог бы даже сказать, что вы их преследуете.

Его насмешка застигает меня врасплох, и я впечатляюсь первой умной мыслью, сорвавшейся с его уст.

Имоджен заливается краской и мрачнеет, однако быстро приподнимает брови и сменяет раздражение на улыбку.

– Мистер Астон, вы должны сопроводить нас домой и понести книги мисс Бельфлёр.

– Нет, – противлюсь я, прежде чем он успевает сделать шаг. – Мне невероятно сильно хочется провести время наедине со своей дражайшей подругой. – Не подумала бы, что когда-нибудь скажу подобное об Имоджен.

Мистер Астон хмурится и все равно тянется к стопке, которую я прижимаю к себе железной хваткой.

– О, мистер Астон! – раздается голос торговца. – Слышал, вы поклонник «Бесконечных страданий в саду случайностей». Если она вам понравилась, у меня есть одна новая книга, о которой грезит каждый молодой человек с выдающимся умом.

Парень глотает наживку.

– Да! Да, я бы с радостью взглянул на эту книгу. Оставлю вас поболтать наедине. Уж я знаю, как девушки любят сплетничать. – Подмигнув, он торопится к мистеру Корделлу, наконец позволяя мне сбежать.

В некотором роде. Имоджен ведь все еще рядом.

Мы выходим из книжной лавки, и в животе тут же образуется тугий узел. Пропали дарящие ощущение уюта запах бумаги и тусклый свет, а на их место пришел ослепляющий белоснежный снег и толпа. По крайней мере злость на мистера Астона заглушила навязчивую тревожность. Благодаря этому возвращение на улицу дается проще, чем в самые первые разы. В

последнее время покидать дом непросто. Поначалу совсем кошмарно, чаще из-за образов, что подкидывает разум. А стоит шагнуть на свежий воздух, едва ли становится легче. Но я начинаю привыкать, потому что жуткие воспоминания о прошлом еще ни разу не воплотились в настоящем.

Ты в настоящем. Ты здесь и сейчас.

Имоджен указывает на другую сторону улицы:

– Боже мой. Это... фейри?

Ее взгляд устремлен на элегантный будущий отель, находящийся на стадии достройки. У входа стоит мужчина с каштановыми волосами и в очках в роговой оправе, он совещается с женщиной, чьи волосы отливают медью. И если женщина, похоже, обычный человек, не считая странного выбора одежды – пальто из парчи яркого зеленовато-желтого цвета, – то у мужчины отчетливо виднеются заостренные уши. На тротуаре рядом с ними почти никого, потому что большинство пешеходов стараются переходить дорогу, лишь бы оставить им побольше пространства. И пускай мне гадко признавать правоту миссис Астон, фейри в Верноне и правда появляются крайне редко, а потому вокруг них мгновенно разворачивается спектакль. Однако две фигуры чуть поодаль словно не замечают происходящего вокруг, сосредоточив внимание на фасаде отеля.

– Не верится, что они до сих пор не закончили с отелем «Верити», – дуется Имоджен. – Только в нем есть пристойный бальный зал. Как нам насладиться светским сезоном без места для танцев?

Я мысленно закатываю глаза.

– Справимся как-нибудь.

– Лучше бы они поторопились. Казалось бы, если нанимаешь дизайнера интерьеров фейри, процесс должен пойти быстрее, а не замедлиться до скорости улитки. – Имоджен продолжает тарашиться на отель, будто один ее взгляд способен приблизить окончание постройки, и тут к нам подходит хрупкая девушка.

На ней огромный синий колпак – хотя она вроде достаточно взрослая, чтобы носить настолько детские вещи – и серое шерстяное пальто с потертым подолом.

– Я взяла тебе ленты, – обращается она к Имоджен.

Однако та даже не смотрит на девушку.

– Забери книги у мисс Бельфлёр, Эмбер, – велит она, указывая на меня, и только после этого двигается дальше.

Девушка по имени Эмбер забирает у меня тяжелую ношу с теплой улыбкой, невзирая на то, что уже нагружена сумками и коробками.

– Спасибо, – благодарю я ее и присоединяюсь к Имоджен. – Новая горничная? Не помню, чтобы ты с ней путешествовала.

Имоджен подпускает меня ближе и шепчет:

– Моя сводная сестра. Пускай приносит пользу.

Я едва не спотыкаюсь, когда резко разворачиваюсь, покрасневшая от шеи до ушей.

– Мне так жаль! Я решила, что ты горничная. Позволь забрать книги.

– Что вы, все хорошо, – отвечает Эмбер.

– Да, все хорошо, – вторит ей Имоджен, но с ледяными нотками в голосе. Она притягивает меня к себе и прямо в лицо с застывшей улыбкой говорит: – Джемма, дорогая, тебе не подобает таскать книги самой. Ты так никогда не найдешь себе мужа.

Ее слова снова вызывают во мне раздражение и напоминают натянуть привычную маску. Маску невозмутимой личности. У которой больше достоинства, чем мне кажется.

– А что насчет твоей сестры? Если мне не подобает таскать книги, то разве подобает ей?

Имоджен звонко смеется:

– Эмбер сейчас не ищет супруга. Вот *мы* ищем. И раз я старше тебя, слушайся моих советов.

Я прикусываю язык, только бы не ляпнуть чего лишнего. Ох, я бы многое отдала за возможность послать Имоджен Коулман с ее советами туда, где потемнее и похолоднее. Но, само собой, отец потом меня прикончит. Допускаю, что лишь благодаря нашей с ней так называемой дружбе он не дышит мне ежеминутно в затылок, пытаюсь отыскать супруга.

Проглотив все рвущиеся наружу колкости, я гляжу на нее сверху вниз.

– А с чего ты решила, что я хочу замуж?

Имоджен ошеломленно смотрит на меня:

– Что ж, мы уяснили, что у тебя нет заслуг, с которыми можно предстать перед королевскими фейри, и единственная возможность для незамужней женщины без своего приданого оказаться при дворе – стать ценной мастерицей. Ты не поешь, не играешь на инструментах, не обладаешь артистизмом. Кроме того, благой король Зимнего королевства редко принимает новых мастеров, а неблагой король даже не проводит отбор. И даже если неблагой король вознамерится наконец почтить нас, низших горожан, своим присутствием, сомневаюсь, что у тебя будут какие-нибудь шансы. О нем никто ничего не знает, всем известно лишь его презрительное отношение к людям. Я даже не знаю его...

Вдруг Имоджен замолкает, беря непривычную для нее паузу. Хмурит брови, и ее взгляд тускнеет, а лицо теряет всякие эмоции, словно она забыла, о чем говорила. Может, мне повезет, и она внезапно прекратит тараторить.

Но внезапно Имоджен качает головой, и как странное выражение возникло, так оно и исчезает.

– Нет, тебе не суждено провести жизнь с фейри в их роскошных городах и дворцах.

От меня не укрывается тоска в ее тоне, и тут у меня возникает вопрос, а не говорит ли она в том числе и о себе. Имоджен уже неоднократно сетовала, что на светские сезоны в других королевствах являлось недостаточно принцев-фейри. По всей видимости, заполучить мужа фейри из королевской семьи – это высший успех для человеческой девушки Фейривэя.

Имоджен вздыхает.

– Тебе, как и мне, место здесь, среди людей. А это значит, что нужно обзавестись мужем.

Я сжимаю зубы, желая завопить. Ну почему люди настолько... ограниченные? Такие непрогрессивные? Я бы никогда не назвала общество, где до этого жила, продвинутым, но все, кого я встречала в Верноне, полагали, будто этот город отстал в своем развитии на несколько лет, если не десятилетий.

Вдобавок к этому личный опыт показал, насколько живучими оказываются социальные рамки... и жестокость тех, кто их устанавливает. Слухи. Насмешки. Злые языки...

– Мистер Астон отличный вариант, – вырывает меня из мыслей Имоджен. – Если уведешь его, я буду ненавидеть тебя целую вечность. Хотя уверена, что, к сожалению, лишилась с ним всех шансов.

Пускай мне гадко участвовать в таких тривиальных беседах, ее слова вызывают во мне любопытство.

– Почему это?

– Мы в прошлом году ходили на прогулки не больше одной недели, и что-то мне подсказывает, что ни один из нас не остался в восторге. Он хотел только болтать и спорить, а мне едва удавалось поддерживать разговоры на выбранные им угрюмые темы. Вот ты сможешь его вынести. Ты уже его сразила. Да и вам обоим нравятся... книги. – Выплюнув последнее слово, она взмахивает рукой и морщит нос.

Я чуть задираю подбородок.

– Взаимная любовь к книгам не поможет мне вести утомительные беседы с невыносимым глупцом с завышенным мнением о своих умственных способностях.

За спиной раздаётся сдавленный смех Эмбер, которая тут же пытается замаскировать его под кашель. Имоджен же мгновенно останавливается, ее глаза расширяются, а щеки алеют.

– Не смей так говорить о мистере Астоне, – цедит она яростно и, вернув самообладание, берет меня под руку, после чего мы продолжаем путь. – Знаешь ли, он может оказаться как раз тем, что тебе нужно.

– Как раз тем, что нужно? Для чего?

Она смотрит на меня, и ее губы изгибаются в хитрой ухмылке.

– Чтобы ты стала замужней до того, как все узнают.

На этот раз резко прекращаю идти уже я.

– Узнают? О чем?

– Твой отец рассказал обо всем моей матери, а она мне.

В ушах начинает звенеть, время одновременно замедляется и ускоряется.

– О скандале в Бреттоне. – Имоджен шепчет, но мне кажется, будто она кричит и меня со всей силы бьют в живот.

Из легких выходит весь воздух, сердце колотится о грудную клетку так, словно я вернулась на месяц назад, на улицы, вроде бы оставшиеся в прошлом. Знакомые лица женщин, которых я еще недавно звала подругами, окружают меня и выплевывают оскорбления:

Потаскуха.

Ему было на тебя плевать.

Бесстыдница.

Он не был твоим.

Соблазнительница.

Как ты могла предать принцессу?

Искусительница.

Ты его околдовала?

Я чувствую осторожное прикосновение к руке, и оно выдергивает меня в настоящее. Рядом стоит Эмбер и смотрит на меня с беспокойством.

– Вы в порядке, мисс Бельфлёр?

С ужасом осознаю, что дрожу и никак не могу сфокусировать взгляд. Поднимаю глаза на Имоджен, и она наблюдает за мной с победной ухмылкой. Нельзя, чтобы она видела меня такой. Никому не позволю видеть меня такой. Видеть, как сильно меня ранили.

Глубоко вздыхаю, засовываю воспоминания на дальнюю полку и снова надеваю свою маску невозмутимости. *«Не будь слабачкой, – говорю себе. – Если их осуждения не избежать, стань той, кем они тебя считают».*

Я отмахиваюсь от поддержки Эмбер и продолжаю идти вперед. Дожидаюсь, когда Имоджен меня догоняет, и только тогда выдаю:

– Ах да, отец зовет это скандалом. А я – отличным времяпрепровождением.

Челюсть Имоджен едва не оказывается на земле.

– Здесь себя так вести нельзя. Возможно, в Бреттоне корчить из себя блудницу допущено, но жители Вернона подобного поведения не потерпят. Если тебя застанут за чем-то подобным, я не смогу быть твоей подругой.

– Какая жалость.

– Тебе не стыдно? Никто не захочет взять в жены испорченную девушку. Если все узнают о твоём... красочном прошлом, ты превратишься в пятно этого города и за собой потянешь тех, кто с тобой дружит. Моя репутация будет уничтожена.

Я резко поворачиваю к ней голову и даже не скрываю во взгляде искры ярости:

– Тогда лучше бы тебе не открывать свой рот.

Эмбер вновь маскирует смешок под безыскусный кашель, и остаток пути мы идем в восхитительной тишине.

Глава IV

Мы наконец добираемся до моего дома, и, прощаясь с Имоджен, я еле сдерживаю радость. А стоит очутиться в прихожей и услышать от горничной, что отец и сестра еще не вернулись, и на меня волной накатывает облегчение. *Это значит больше времени наедине с собой.*

– Чудесно, – говорю я и протягиваю ей шляпу и пальто, на которых успел подтаять и превратиться в ледяные капли снег. – Почту еще не привозили, Сьюзан?

– Нет, мисс, – отвечает она, – но как только доставят, я ее принесу.

Не понимаю, отчего все еще таю надежду. Сомневаюсь, что сегодня мне придет что-нибудь любопытное. Разумеется, будут приглашения на чаепития или ужины, но то, что жду я, намного лучше. Возможный ключик к моей свободе.

Прижав книги к груди, я поднимаюсь в гостиную. Усталость, как душевная, так и физическая, пронизывает каждую клеточку тела. У меня всегда уходит масса сил даже на то, чтобы покинуть дом, а уж если приходится иметь дело с жителями городка, то их и вовсе не остается. К счастью, дома никого, а потому я могу сбросить свою маску и расслабить плечи. Пока буду наслаждаться одиночеством, притворяться нужды нет.

В гостиной все так же потрескивает камин, отчего комната походит на адскую обитель в сравнении с кусачим холодом снаружи. Я притягиваю стул и столик поближе к огню и устраиваюсь поудобнее, а Сьюзан в это время приносит поднос с булочками и чаем. Тепло ей улыбаюсь и искренне благодарю, после чего дарю свое полное внимание новым книгам. Организую их, оставляя поверх стопки те, которые хочу прочесть больше всего, а вниз определяя те, что вызывают во мне интерес, но не такой сильный, как те, что выше. «Гувернантка и граф», разумеется, располагаются на самой вершине. Я несколько раз меняю порядок остальных книг и, в итоге удовлетворившись результатом, откидываюсь на спинку стула и открываю сегодняшнюю газету, сразу пролистывая до объявлений о поиске рабочих.

Я ежедневно изучаю колонку с вакансиями, и, поскольку город новый и появилось полно возможностей для трудоустройства, их довольно много. Но, как и прежде, уже на середине поисков меня одолевает ярость. Практически на каждое мало-мальски перспективное место требуется мужчина. Мужчина! С какой это стати? А женщинам, если их и приглашают, то предлагают либо меньшую оплату, либо позиции, на которые я готова согласиться, только если совсем отчаюсь. Рабочий предприятия. Горничная. Секретарша. Гувернантка. Уверена, мне бы понравилось работать секретарем, но за такую оплату? На получение финансовой независимости, чтобы освободиться от отцовского попечения или нужды выходить замуж, уйдут десятилетия. Сколько бы мне ни нравились приключения гувернантки в серии «Гувернантка познает любовь», подобная карьера не для меня.

Я высматриваю вакансии со словами «счетовод», «домоправитель», «управление», но все они для мужчин. Именно на те позиции, в которых у меня есть опыт, меня даже не станут рассматривать. Бред какой-то! Кто лучше всех разберется со счетами и управлением домом, чем средняя дочь, спасающая свою семью от краха?

От возникших мыслей гнев сменяется печалью, и я вспоминаю маму. В горле тут же встает ком.

Она умерла пять лет назад, но боль от утраты сжигает меня по сей день. Мрак, окутавший дни, что последовали за ее кончиной, наложил на тени прошлого, сгустившиеся вокруг нашей семьи, заставив понять, что прежними мы уже не будем. Отец изменился сильнее всех, и не в последнюю очередь оттого, что мама погибла в результате обрушения одной из шахт, находившихся в его владении. Несчастный случай отнял не только ее жизнь, поэтому начались судебные разбирательства, а на других шахтах даже устраивали митинги из-за опасных условий

труда. Наши счета практически опустели, а горнодобывающий бизнес пошел ко дну. Словно мамина смерть знаменовала конец жизни, какой мы ее знали.

Вскоре мы оставили наш дом, пригород Изола и все счастливые воспоминания. Желая восполнить свои богатства, отец перевез нас в графство Бреттона, и мы осели в его оживленной столице. Поскольку отец разъезжал по делам, а старшая сестра выходила в свет в поисках мужа, со счетами приходилось разбираться мне. Именно благодаря мне мы и выжили. Благодаря мне никто не знает, что мы были бедными. Я управлялась со счетами так мастерски и стратегически, что выяснить наш секрет можно было только по бухгалтерским бумагам. Наведывавшиеся гости видели лишь роскошную гостиную, а не пустынные спальни. А когда мы выходили в город, люди любовались нашими модными нарядами, не догадываясь о тех, что мы искусно перекраивали или продавали. И картинка оказалась настолько убедительной, что на меня обратил внимание виконт...

Во мне вновь вспыхивает ярость. Я сворачиваю газету, закидываю ее на лампу и делаю приличный глоток чая, мечтая о том, чтобы на его месте очутилось вино.

В коридоре раздаются шаги, отчего я вздрагиваю, и ярость мгновенно сходит на нет. Ставлю чашку на блюдце и разглаживаю складки юбки, словно эти движения помогут мне успокоиться. В последний момент прячу газету за спину и сажусь прямо. Однако через секунду испытываю облегчение, завидев, как через порог переступает моя младшая сестра Нина.

– Джемма, ты все еще здесь? Ты сегодня хотя бы выходила? – Ее золотистого цвета щеки покраснелись на холоде. Она устраивается в кресле рядом со мной и протягивает руки к огню.

– Выходила. Отец вернулся домой с тобой?

– Нет.

Услышав ответ, я расслабляюсь и, откинувшись на спинку стула, достаю газету. Пускай Нина воспитана лучше меня, она одна из немногих людей, с кем я могу не притворяться.

Она замечает стопку книг и закатывает глаза.

– Ох, теперь поняла. Значит, я тебя вытащить на улицу не могу, а потребность в новых книгах может. Похоже, если захочется провести с тобой время, сначала придется спрятать твои книги.

– Не понимаю, почему ты хочешь проводить со мной время, – произношу я с улыбкой. – Ты уже помолвлена и подружилась с половиной дам этого города.

– И ты бы была помолвлена, если бы хоть раз вытащила свой симпатичный носик из книг, – произносит она назидательно, но на лице ее видна забота, чем Нина напоминает маму. Она вообще похожа на нее. Низкая, с формами, пухлыми щечками, темными волосами и глазами. Старшая сестра, Марни, практически ее копия, но на пару дюймов выше. Неудивительно, почему отец любит их больше меня. Я пошла в него и ростом, и телосложением.

Наливаю себе еще чашку чая и подношу ее ко рту.

– Я не хочу замуж. Ты же знаешь.

Она на мгновение прикусывает губу, будто борется с желанием сказать то, что на самом деле думает. Я гляжу на нее с предупреждением. *«Не надо, – мысленно предостерегаю. – Не упоминай виконта. Не пытайся убедить, что любовь все еще существует. Я познала и ее сладость, и разрушительность, с меня достаточно».*

Поняв намек, она снова улыбается.

– Вдруг ты передумаешь. Если появится достойный человек. Просто не поступай, как ты любишь.

– Это как же?

– Ты всегда ждешь от людей худшего, – сообщает она и смотрит на меня в упор. – Не будь ты так предвзята, заметила бы, сколько привлекательных джентльменов приехало в город на этой неделе.

– Прелестно, – отвечаю на это я. И снова разворачиваю газету, чтобы спрятаться за ней, хотя не могу прочесть и слова.

– Ты же не пытаешься найти работу? – со стоном спрашивает Нина. – Сама знаешь, отец не даст разрешения.

– Мне восемнадцать, – ворчу я. – Мне не нужно его разрешение, чтобы устроиться на работу.

– Он будет давать тебе меньше денег.

– Для этого и нужна работа.

– Он запретит тебе жить дома.

– И с этим поможет работа.

– Да ты... – Нина начинается запинаться. – Ты никогда не отыщешь обеспеченного мужа, если будешь наемной работницей. – Последние слова она выплевывает, будто они бранные.

Я загибаю уголок газеты и сверлю сестру взглядом. Затем разгибаю уголок, и Нина задает неприятный вопрос:

– Ну что, кто-нибудь ответил на твои письма?

Мои щеки пылают. Я понимаю, к чему она клонит, и нет, ни один из работодателей не ответил на мои письма о поиске работы. Потому и жду так сегодняшнюю почту, хотя и допускаю, что все мои надежды напрасны. Я отправила заявки на все позиции, для которых, на мой взгляд, у меня хватает квалификации, не считая тех, что не отвечали моим финансовым требованиям. То есть на те, куда набирали только мужчин. И ни один из потенциальных работодателей не отправил не то что приглашения на собеседование, но даже благодарности.

– На какие письма?

При звуке раздавшегося из коридора бархатистого баритона отца я подскакиваю и поскорее убираю газету, засовывая ее под обложку одной из книг. Он заходит в гостиную, и я молниеносно выравниваю спину. Отец глядит на меня с подозрением и поджимает губы, едва виднеющиеся из-под черных усов.

– О платьях, – выпаливаю я первое, что приходит в голову. – Ищу новый наряд.

Он переваривает мой ответ, почесывая щетину на подбородке и одобительно кивает:

– Это улучшит твои перспективы.

Я изо всех сил пытаюсь улыбаться, а не скалиться. «*Мои перспективы*». Иное для него значения не имеет. Благодаря тому, как благоприятно несколько месяцев назад переменялась наша судьба, мы снова богаты, и мне не нужно брать на себя роль домоправительницы. Он на эту должность нанимает мужчин, а я вновь стала той, кем он меня всегда и видел – дочерью, которую необходимо научить быть женой. Еще одной собственностью. Однако, в отличие от своих сестер, я больше похожу на горнодобывающий бизнес, который после смерти матери доставил отцу кучу проблем.

Глубоко вздохнув, я аккуратно натягиваю на себя маску безразличия и осторожно тянусь за чашкой чая, после чего делаю мелкий глоток. Навеки послушная дочь. Ценная свинья на ярмарке.

Он подходит ближе.

– Миссис Астон говорит, ты сегодня виделась с ее старшим сыном.

Ага, значит, сплетня уже распространилась. Не стоит удивляться.

– Да, он утром представился мне в книжной лавке.

– Ты отказала ему, когда он хотел проводить тебя домой. – Отец даже не пытается замаскировать недовольство.

– Верно. Просто хотела побыть наедине с дражайшей Имоджен. – Пускай я и собиралась ответить с сарказмом, но не хотела, чтобы вышло так явно.

– Хоть я и одобряю твою сдержанность, а не желание броситься на молодого человека...

Меня охватывает ярость, и я едва сдерживаю порыв накинуться на него. Не сомневаюсь, что в его представлении именно так произошло с виконтом в Бреттоне. Подавив гнев, я стискиваю зубы и продолжаю цедить чай.

– ...думаю, в другой раз тебе следует быть помягче. Отказ от подобного предложения демонстрирует добродетель лишь однократно. Если отказывать слишком часто, потенциальный настойчивый жених может больше ничего не предлагать.

– Возможно, нежелательную настойчивость стоит не славить, а осуждать. – Я как могу стараюсь говорить спокойно, но раздражение таки оказывается сильнее.

Отец сощуривает глаза и хмурит брови.

– Не припоминаю, чтобы в Бреттоне ты придерживалась того же мнения.

Мое самообладание испаряется, и я ставлю чашку на блюдце с громким звоном. Как бы я ни старалась, мне не стать дочерью, о которой так мечтает отец, даже для вида. К черту маску. К черту вымышленную личность.

Прожигая его взглядом, я поднимаюсь на ноги. Оказываюсь с ним лицом к лицу, и в груди возникает тяжесть, ведь я не знаю, что говорить. Я уже делилась своей версией истории. Открывала свою правду. Рыдала, обнажала кровоточащее сердце. И с чем столкнулась? Моя собственная семья, и отец, и старшая сестра, Марни, – люди, которых я любила и ждала того же в ответ, – глядели на меня с отвращением. Отвращение они испытывали не к тому, как все развернулось, не к мужчине, привнесшему скандал в мою жизнь, а ко мне.

Меня отверг тот, кто клялся любить, однако виноватой все равно посчитали меня, потому что это я лишилась чести. Я была виновата в своем падении. Крахе. Боли. И ответственна за то, о чем на улице шептались люди. Я опозорила семью и уничтожила драгоценные перспективы.

Отец выдерживает мой взгляд, и его губы растягиваются в ухмылке. В этот момент он похож скорее на демона, чем на отца из моего детства. Того доброго, любящего мужчины, вокруг чьих глаз собирались морщинки, когда мама заставляла его смеяться, больше нет. Осталась только холодная, бесчувственная оболочка. И он прекрасно понимает, что мне не защититься. Я могу лишь злиться, испепелять его взглядом и сжимать руки в кулаки.

– Веди себя как подобает, дочь моя, – произносит он и делает медленный шаг вперед. – Если попадешь в очередной скандал, я не смогу тебя защитить.

С моих уст срывается горький смешок:

– Ну да, ведь до этого ты меня так хорошо защитил.

– Защитил, Джемма. – Его голос спокоен и тих. А в словах столько уверенности, что, думается мне, он правда в них верит. – Ты слишком своенравна, чтобы уловить момент, когда стоит выказать благодарность. Мы могли бы остаться в Бреттоне. И за тобой навеки бы закрепилась репутация распутницы, соблазвившей жениха принцессы. Но вместо этого я привез тебя сюда, чтобы ты начала с чистого листа. Если бы мне не повезло с кварцевыми рудниками, нам бы такого шанса не представилось.

По крайней мере, насчет последнего он прав. Если бы месяц назад на одном из отцовских владений не обнаружили невероятные залежи кварца, ему бы и в голову не пришло переехать. Скандал как раз находился на пике, и он заключил сделку с Зимним королевством. Он передавал эксклюзивные права на владение кварцем в обмен на солидное жалованье и возможность проживания в Фейривэе, что считалось редкой привилегией. Как я узнала, чтобы человек мог ступить на остров, фейри должны сопровождать его через магический барьер лично.

И все же отец перевез нас сюда не из-за меня. А ради себя. И его драгоценной репутации.

– Поблагодари меня, – процедил он сквозь зубы, – и сядь на свое место.

Мне хочется сказать ему кое-что другое, и уж точно не «спасибо». В этом слове три буквы, и, как правило, оно сопровождается грубым жестом...

– Мы благодарны тебе, отец! – Нина вскакивает с кресла, подходит ко мне и переплетает свои пальцы с моими. – Джемма очень благодарна. – Она с мольбой смотрит на меня округлив-

шимися глазами. Нина не выносит наших с отцом ссор, а я ненавижу дурацкое милое выражение лица, которое она корчит, когда мы ругаемся. Оно смягчает мое сердце, и ей это известно.

У меня хотя бы появляется время успокоить нервы, прежде чем я лягну то, о чем пожалую. Стоит надавить на отца чуть сильнее, и он без колебаний лишит меня жалования и выдаст за первого же согласного. Даже не за того, кто предложит большую цену.

Нет, сначала нужно укрепить свое финансовое положение. И только после этого выводить его из себя.

По затылку стекает капля пота, а глаза все еще горят от ярости. Однако я прячусь за маской подобострастия и склоняю голову набок. Представляю, что это все спектакль. Перед отцом стою не я, а одна из гувернанток из моих книг. В первой части серии гувернантка вынуждена исполнять роль воспитанной ученицы, чтобы уйти от гнева ее злобных воспитательниц. Вот и вся суть. Притворяться. А уж это я умею.

Мысленно редактирую историю под себя и произношу:

– Я так благодарна тебе за все, что ты сделал, отец. Приношу глубочайшие извинения за то, что не смогла этого показать.

Смотрю ему в глаза и вижу, как он поджимает губы. Не знаю, купился ли он на представление, но спорить не стал. Вместо этого он взмахом руки указывает на стул, и я повинуюсь его безмолвному приказу. Затем, не проронив и слова, отец покидает гостиную.

Я прислушиваюсь к звуку медленно удаляющихся шагов и сжимаю подлокотники своего стула, все мое тело содрогается от сдерживаемой ярости. И только когда слух уже не улавливает эхо его каблуков, я устремляю взгляд на сестру. Нина сразу же раздражается хохотом, словно перед ней разворачивалась увлекательнейшая пьеса.

– Поразительно, ты столько держалась, – выдавливает она сквозь смех. – Похоже, это рекорд. Сколько было... тридцать секунд примерного поведения?

Неспособная разделить ее веселость, я качаю головой. Закрываю глаза и тяжело вздыхаю, едва ли избавляясь от напряжения, скопившегося в каждой мышце, но все равно продолжаю глубоко и медленно дышать, пока хотя бы немного не остываю. Открывая глаза, ощущаю опустошение. Измотанность. Усталость. Плечи опускаются, и я готова вновь схватить газету, как в комнату заходит Сюзан с подносом, усыпанным конвертами.

– Пришла почта, – сообщает горничная.

Во мне вспыхивает надежда, и этого хватает, чтобы вернулись силы, и я подскочила на ноги.

– Есть что-нибудь от Марни? – спрашивает Нина, наступая мне на пятки, пока мы мчимся к Сюзан.

– Маловероятно, – бормочу я, первая дотягиваюсь до подноса и забираю все письма. Наша старшая сестра осталась с мужем в Бреттоне и с момента нашего переезда не прислала ни единой весточки. После последнего разговора не скажу, что жажду знать, как у нее дела. Я до сих пор помню каждое ее слово.

Ты сама на себя это навлекла, Джемма.

Разве можно его винить?

Бессмысленно рыдать из-за того, что сама учинила.

Ну разумеется, о тебе такое говорят! Это же правда.

Тряхнув головой, прогоняю воспоминания и начинаю перебирать кучу.

– Они все отцу, – сообщает со вздохом Нина.

И она права. Я почти добралась до конца, и все они...

Тут сердце уходит в пятки. На последнем конверте нацарапано мое имя. Мое! Трясущими пальцами раздираю бумагу и вытаскиваю письмо. Читаю его один раз. Второй. А затем и в третий.

– Что там? – спрашивает Нина, насупившись.

Наконец-то. Мои надежды не оказались напрасными. И пускай гарантий никаких нет, но это первый шаг. Первая ступень к свободе. Возможность стать тем человеком, которым мне хочется быть. С собой. Оставленной в покое. Свободной.

Я смотрю прямо в глаза своей сестре, а на мои тем временем накатывают слезы.

– Меня пригласили на собеседование!

Глава V

– На собеседование! – вторит Нина, и приходится на нее шикнуть. Она переходит на шепот и зыркает в сторону двери, через которую отец вышел всего несколько мгновений назад. – То есть на работу?

– Ну конечно, – шепчу я в ответ с дрожью в голосе. И стараюсь сдержать невероятно сильное, растекающееся по конечностям возбуждение, ведь иначе рискую упасть в обморок.

Сьюзан, единственная горничная, на чью рассудительность я могу положиться, тоже понижает голос и подходит ближе.

– Хотите, чтобы я отправила ответ?

– Да, и сразу, – говорю я и, шурша юбкой, тороплюсь к столу. Спешно хватаю лист бумаги и ручку и вывожу буквы, подтверждая согласие пройти собеседование.

Нина заглядывает мне через плечо и читает письмо.

– Оно же завтра, – удивляется она. – Слишком быстро.

– Слава святым высям, – бормочу я. Внизу подписываюсь своим именем и, вряд ли давая высохнуть чернилам, убираю лист в конверт, после чего на передней его части копирую адрес отправителя. Тридцать третий дом по Уайтспрус Лэйн.

– Но... это же на Уайтспрус Лэйн! Еще и на должность домоправительницы? Да там дома хотя бы есть?

– Вот и выясню. – Запечатываю конверт и передаю его Сьюзан: – Проследи, чтобы отправили немедленно. И... сама знаешь.

– Быть осторожной, – подтверждает она, кивая.

Стоит горничной выйти за дверь, как Нина принимается, нахмурившись, кружить вокруг меня, в то время как с моего лица не сходит улыбка.

– Это было импульсивно даже по твоим меркам. – Из-за тона ее голоса ощущение триумфа слегка приглушается.

– Что, прости? – Я скрещиваю руки на груди и поджимаю губы. – Ты в курсе, что я искала работу со дня нашего переезда. Наконец меня пригласили на собеседование, и ты принимаешь мое согласие... за импульсивность?

– В обратном адресе даже не указано имя! Ты хоть помнишь вакансию, на которую откликнулась? С кем встречаешься? Прежде чем соглашаться, нужно было узнать чуть больше.

Я прикусываю губу, понимая, к чему она клонит.

– Полагаю, я и правда немного поспешила, – признаю я, развожу руки, но голову держу по-прежнему высоко. – Однако сейчас уже поздно.

– Джемма, – хрипло выдавливает она, не скрывая раздражения. – Лучше надейся, что тебя не попытаются надурить. Если тебе предлагают должность домоправительницы, дом должен принадлежать кому-то важному. А ты прибудешь без всяких знаний о том, на кого собираешься работать.

Пожимая плечами, я усаживаюсь на стул, поднимаю «Гувернантку и графа» и притворяюсь, будто увлеклась книгой.

– Вероятно, так хочет мой потенциальный наниматель.

– Нет. – Нина останавливается передо мной и качает головой. – Так не бывает. Нужно отыскать больше информации. Уверена, кто-нибудь знает, кто живет на Уайтспрус Лэйн. – Вдруг она резко втягивает воздух и тем самым привлекает мое внимание. – Можно спросить у миссис Астон! Она знает все городские сплетни.

– Нет, – отклоняю я ее предложение и захлопываю книгу. От мысли, что придется о чем-то спросить миссис Астон, тем более о последних сплетнях, закипает кровь. – Никому нельзя ничего говорить. Вдруг отец узнает и остановит меня.

– Но Джемма... – Еще раз громко вздохнув, Нина чуть пятится и шире распахивает глаза. – Стой. Уайтспрус Лэйн. Миссис Астон только сегодня говорила, что там видели волков!

– Нина. – Я закатываю глаза. – Она это сказала, потому что хотела поделиться сплетнями о мисс Уезерсби, но при этом сохранить лицо.

– Но это может быть правда. Уайтспрус заходит на территорию леса, а волки бывают довольно опасными.

– Волки не нападают ради забавы, – возражаю я. – Я слышала, что земли Фейривэя считаются плодородными и урожайными. Если здесь и водятся волки, то это не изголодавшиеся бешеные чудовища. Ну заметили парочку неподалеку, наверняка те просто шли по своим делам.

По всей видимости, это Нину не успокаивает.

– Но они могли быть волками-фейри. – И слово «фейри» она шепчет так, словно это проклятие.

Я гляжу ей прямо в глаза:

– Ты, как и я, знаешь, что фейри за нападение на людей жестоко карают.

– Да почему ты не боишься? – От возмущения она аж притоптывает. – Мы почти ничего не знаем ни об острове, ни о созданиях, которые им управляют.

Откровенно говоря, под моим воодушевлением и облегчением все же кроется толика страха. Мы всю нашу жизнь считали фейри мифическими созданиями. И только перебравшись в Бреттон, находящийся от Фейривэя на расстоянии всего одного канала, мы выяснили, что остров существует на самом деле, как и гласят легенды. Причем многие легенды нагнали жути, описывали жестокие войны, ужасных чудовищ и смертельные сделки. Но затесалось среди них несколько историй, в которые отчего-то поверить было проще. Например, о войнах между людьми и фейри. Первая закончилась давным-давно, а вот вторая примерно двадцать лет назад – тогда фейри защитили людей от вооруженных сил Бреттона. В итоге Фейривэй добился независимости от материка и окружил свои территории магическим полем.

Так что да, признаю, я немного боюсь. Однако понимаю разницу между реальностью и фантазией. И пускай опыта общения с фейри у меня недостаточно, мне охотнее верится в то, что это раса людей, что положила конец несправедливой войне, чем чудовища, обожающие по ночам похищать младенцев.

Кроме того, в итоге решительность оказывается сильнее страха. Именно она вынуждает меня выбираться за книгами, хотя я предпочитаю оставаться за закрытыми дверями. Это она помогает тайком от отца отправлять отклики на вакансии, хотя я знаю, как он будет недоволен. И это она завтра станет моим компаньоном на пути к свободе.

Вероятно, Нина замечает мою непоколебимость и складывает руки в молитвенном жесте.

– По крайней мере возьми сопровождающего.

– Вызываешься добровольцем?

– Конечно нет! – бледнеет она. – Я-то как раз не сумасшедшая.

Я открываю рот, шутливо изображая ошеломление.

– Ты предпочтешь отправить старшую сестру на встречу с роком, а не составить ей компанию?

Она закатывает глаза.

– Возьми хотя бы Сьюзан.

– Ладно. – Я вздыхаю, знаменуя поражение. – Возьму Сьюзан.

– Хорошо, – кивает Нина удовлетворенно. – И, если тебя загрызут волки, она сможет сказать, где искать тело.

Я предпринимаю попытку грозно на нее зыркнуть, но раздражаюсь хохотом, и Нина усаживается обратно в кресло. Мы погружаемся в тишину, и я снова беру в руки книгу. Только,

насколько бы сильно мне ни хотелось читать, разум заполняют мысли, полные мечтаний и перспектив.

Завтра в это же время у меня наверняка будет работа. Святые выси, пускай так и случится.

* * *

Я солгала, сказав, что возьму с собой Сьюзан. Возможно, я ей и доверяю, но у всего есть свой предел. Сомневаюсь, что горничная готова воспротивиться воле моего отца настолько, чтобы сопроводить меня в лес на собеседование. К счастью, когда мой обман вскроется, я уже буду дома, в безопасности, и надеюсь, что с новостями о грандиозном успехе. Нина и отец успели разбрестись кто куда: она отправилась на чаепитие с семьей жениха, а отец, вероятнее всего, где-то занимается делами. И вряд ли вернется в ближайшее время. Вот только это значит, что кареты у дома нет, а воспользоваться услугами стороннего водителя я не посмею. Даже на семейного водителя полагаться достаточно рискованно, так что лучше всего пройти пешком.

И когда я говорю «лучше всего», то имею в виду «кто подкинул мне эту мысль». Под подошвой сапог хрустит снег, из-за которого вскоре промокают подолы юбки и пальто. Я надела самое скромное и строгое платье из серого атласа с изображениями черных роз, а корсет обтянут кружевом цвета слоновой кости, которое скрывает шею до подбородка. Надеюсь, я правильно подобрала наряд. До сих пор не верится, что мне предстоит пройти собеседование на позицию домоправительницы. Мне кажется, именно ею я и была, когда вела наши дела, управляя домом, слугами и распоряжаясь финансами. Однако я занималась скромным по габаритам жилищем в Бреттоне. Чего ждать в тридцать третьем доме по Уайтспрус Лэйн, понятия не имею.

Добираюсь до окраины города и радуюсь тому, что вдали от рыночной площади встречается так мало людей. Здесь домов намного меньше и практически отсутствуют пешеходы, из-за чего на краткий миг становится жаль, что отец выбрал жилье в паре кварталов от городской суеты, а не в этом районе. Однако, живи мы так далеко, до книжной лавки приходилось бы идти через весь город, натываясь на куда большее количество горожан...

Меня пробирает легкая дрожь.

Следом возникает отрезвляющая мысль. Если я получу работу, то где буду жить? Сразу ли отец выгонит меня из дома? Может, к должности прилагается проживание и пропитание? А есть ли в Верноне варианты, которые может себе позволить одинокая женщина?

От нахлынувшей паники к щекам приливает жар, но я отмахиваюсь от непрошенных волнений. Сейчас подобные тревоги не к месту. Для начала нужно хотя бы получить работу.

В поле зрения попадают деревья на краю города. Все реже виднеющиеся дома становятся меньше, а снежный покров почти не тронут. Мощные дороги и тротуары превращаются в грунтовые дорожки. К счастью, здесь-таки имеется тропа, и той, что, по всей вероятности, ведет к Уайтспрус Лэйн, недавно пользовались. На меня накатывает облегчение, ведь неловко признаться, но волнения Нины заняли определенное место в моем сознании.

Я иду по вытоптанной тропе к чаще. И только сейчас понимаю, что такое настоящая тишина. Мне-то думалось, на окраине города было тихо, но здесь, на опушке леса, ощущения совсем иные. Разумеется, присутствуют какие-то звуки вроде хруста снега под сапогами, легкого постукивания от падающих скоплений снежинок, шелеста деревьев. Но пропали треск колес повозок, автомобильные гудки, топот лошадиных копыт и постоянная болтовня пешеходов.

Здесь поистине... умиротворяюще.

Сразу вспоминается дом. Изола, где я провела детство. Возможно, климат разительно отличается от того, в котором я живу теперь, но покой... болезненно знакомый. На Изоле мы

жили за городом на нескольких акрах земли. Мама ухаживала за лошадьми, а отец следил за работами в шахтах. Каждую ночь я засыпала под завывания койотов, а утром просыпалась, залитая лучами молчаливого солнца.

На мгновение сердце защемило от тоски, и я почти почувствовала, как мама крепко обнимает меня согретыми руками, как делала всегда, когда мы сидели на переднем крыльце дома и наблюдали за восходом алеющего солнца над горами.

Пару раз моргнув, понимаю, что остановилась.

Отгнав воспоминания, решаю сосредоточиться на настоящем. И добредаю до развилки, на которой в разные стороны расползается несколько дорожек. Изучаю деревянные таблички с названиями улиц, прибитые к торчащему из земли шесту, и нахожу Уайтспрус Лэйн. Туда ведет самая широкая тропа, уходящая налево.

Сворачиваю на нее с основной дорожки, тут же погружаясь в снег чуть глубже. Похоже, здесь он лежит куда большими слоями, чем в городе. В отличие от тропы, что завела меня сюда, Уайтспрус Лэйн не выглядит обхоженной, но на ней виднеются следы прежних прохожих. И все же я решаю приподнять юбки и пальто, чтобы они не промокли еще сильнее.

Не прекращая шагать, высматриваю ответвляющиеся тропки или таблички с номерами домов, которые могут прятаться за деревьями или сугробами. Но не замечаю ничего, что указывало бы на десятый, двадцатый и уж тем более тридцать третий дом по Уайтспрус Лэйн. И все же продолжаю идти, стараясь сохранять недавно согревавшее ощущение покоя и не поддаваться ужасу, чьи жуткие щупальца неторопливо захватывают сознание. Тишина больше не кажется ностальгической и приветливой. Скорее... зловещей. Словно этого недостаточно, в лесу намного холоднее, а под кронами деревьев темнее, и чем дальше я захожу, тем гуще растительность.

Еще... мне послышалось, или впереди в кустах кто-то пошевелился? Нет, сбоку. Нет, сзади.

Накатившая волна паники вынуждает меня остановиться, и я повинуюсь, встав как вкопанная. На затылке волосы встают дыбом, и думать я могу только о том, что следует немедленно развернуться и, пока не поздно, бежать домой. Но пока не поздно для чего? Ну конечно, это в мою голову пробрались тревоги сестры. А охвативший меня страх... такое со мной случается постоянно, стоит выйти за пределы дома, верно? Только, сравнив ощущения, я понимаю, что эти страхи невероятно разные. Страх, удерживающий меня в стенах дома – сопровождающийся учащенным сердцебиением при мысли о толпах, бродящих по городу, – берет корни в воспоминаниях, питается болью, пронизывающей душу и разум. Но этот... чувства обостряются, я улавливаю каждое шевеление, каждый шорох, кожа покрывается мурашками, и возникает спокойное осознание того, что я не там, где должна быть. Этот страх иной.

«А как же собеседование?» – вопит одна часть меня. Я так близко. Невероятно близко. Первое собеседование, на которое меня пригласили, и кто знает, будет ли следующее. Сейчас сдаваться нельзя.

Отгоняя страх, делаю шаг вперед, а затем еще один. Наравниваю темп, озираясь по сторонам, чтобы... Слава святым высям! Впереди у очередной развилки виднеется прибитая к дереву деревянная табличка с надписью «Тридцать третий дом по Уайтспрус Лэйн». Я ускорюсь, приподнимая юбки еще выше, и сокращаю расстояние между мной и вывеской. Когда добираюсь до нее, биение сердца отдается в ушах, а под мышками растекаются пятна пота. Мне хочется ощутить радость. Облегчение. Но чувствую я только необходимость попасть внутрь помещения как можно быстрее.

Без лишних размышлений ступаю на тропинку, над которой висит табличка.

Вновь встаю как вкопанная, и кровь отливает от моего лица.

Не более чем в дюжине футов от меня возникает гигантское создание с взлохмаченной коричневой шерстью, сверкающими золотом глазами и пугающим оскалом.

– Ну твою мать, – бормочу себе под нос. – Тут и правда водятся волки.

Глава VI

В данный момент, когда передо мной находится страшное чудовище, вся моя бравада и «волки не нападают ради забавы» сходят на нет. Это создание совсем не похоже на робких маленьких койотов из моего детства в Изоле. Нет, это жуткий гигант, чьи лапы габаритами не уступают сковороде, а морда его размером с мое лицо. Волк рычит, и этот звук пробирает до костей, отчего все волосы на моем теле встают дыбом.

– Тише, – выдавливаю я дрожащим голосом и поднимаю руки, показывая, что сдаюсь. Но, ради всего святого, откуда волкам знать о человеческих жестах?!

Погодите... разве что...

Стараюсь говорить спокойно и ровно:

– Вы один из фейри?

В ответ зверь делает шаг мне навстречу.

Я отступаю на три шага назад.

– Если вы фейри, я не хочу вредить вашему народу, а вам нападать на меня противозаконно.

Волк издает грудной рык, и шерсть на его морде колыхается.

Так, либо это обычный волк, либо волк-фейри, который плевать хотел на закон. Ни один из вариантов не утешает. Я снова пячусь.

– Тише. Я уже ухожу, так что... просто иди дальше и позволь уйти мне...

Еще один рык, но на этот раз за спиной. Я разворачиваюсь и вижу, как по тропе, блокируя пути отступления, ко мне приближается еще два волка.

Святые выси, плохо дело. У меня ни оружия, ни навыков борьбы с волками. Если я стала кивалась с койотами, мне нужно было вытянуться в полный рост, кричать и вести себя агрессивно. Так поступала мама, когда животные пытались утащить наших кур, но что-то мне подсказывает, что на этих зловещих созданиях это не работает.

Чем ближе подбираются волки, тем громче раздается их рычание, они меня окружают. Я вытягиваю руки в стороны, предостерегая хищников, хотя сомневаюсь, что смогу так защититься. Я, по сути, попросту предлагаю им в первую очередь сожрать мои руки. Но, ради всего святого, мне очень не хочется, чтобы съели хоть какую-то часть меня.

На лбу выступает испарина, и я верчу головой, пытаюсь не выпускать из виду ни одного волка больше чем на секунду, а звери, фыркая, рыча и скаля свои невозможно острые клыки, тем временем продолжают меня обступать. Сердце колотится невероятно сильно, и я боюсь, как бы оно не лопнуло. Хотя, возможно, это походило бы на милосердие в сравнении с тем, что собираются со мной сделать хищники.

Остается одна надежда.

– На помощь! – воплю я изо всех сил. Если тридцать третий дом по Уайтспрус Лэйн в конце этой тропы, кто-нибудь из жильцов может меня услышать. – Помогите! – снова кричу я, но волки рычат еще громче. Внезапно они останавливаются.

Первый, которого я увидела, с взъерошенной коричневой шерстью, опускает голову, расставляет лапы и подгибает одну из них так, словно готовится прыгнуть и напасть.

Зову на помощь еще раз, но из пересохшего горла не вылетает ни слова.

Волк бросается ко мне.

Я визжу, зажмуриваюсь и прикрываю лицо.

И... нападения не случается. Все еще слышится рычание, но смешанное со звуками суматохи. Я осмеливаюсь открыть глаза и вижу, что четвертый волк – такой же огромный, как остальные, но белоснежный – увлакивает лохматого коричневого к краю тропы и сцепляется

с ним в сражении. Другие двое наблюдают за ними и тревожно натаптывают круги, прижав уши к головам.

У меня появляется возможность сбежать.

Только я разворачиваюсь, чтобы умчаться на основную тропу, как на моем пути возникает сгусток коричневой шерсти. Еще один волк, меньше, чем остальные, но такой же озлобленный, и он приближается, обнажив оскал. С разных сторон из кустов выскакивает еще три волка, и все выстраиваются на тропе в нестройный ряд. Я разворачиваюсь обратно и понимаю, что сражение прекратилось, звуки битвы утихли. И все же три огромных волка никуда не делись и все смотрят на меня, начиная надвигаться.

Нет, только не это.

Тишину нарушает оглушительный рев, и я поворачиваюсь к его источнику. Белый волк с вздыбленной шерстью оказывается позади трех волков поменьше. Он гулко лает, отчего я едва не лишаюсь сознания, но он лает не на меня. А на других животных.

Более мелкие звери разбегаются в стороны, убираясь с тропы и скрываясь из виду. Белоснежный волк лает еще раз, и, поджав хвосты, уносятся уже гигантские создания.

Белый волк – самец – внимательно смотрит на меня, и его глаза отливают темным рубиновым оттенком. А затем до моих ушей доносится глубокий и сиплый голос:

– Похоже, я тебя спас.

Волк не открывал пасть, чтобы заговорить, но неким образом я понимаю, что говорит он. Я вздрагиваю от побежавшего по спине холодка. Значит, это и есть волк-фейри.

– Я... спасибо, – цежу сквозь стучащие зубы.

– Твоя благодарность понятна, – отвечает он, подходя ближе. В его движениях куда меньше грации, чем у других волков, ведь он шагает слегка прихрамывая. – Если бы волки попытались тебя съесть, ты бы не выжила.

Даже не сомневаюсь в правдивости его слов, но не могу заставить себя выдать хоть писк. Все силы уходят на то, чтобы не свалиться на землю. Он подходит еще ближе, и я на дрожащих ногах пчусь. Возможно, волк-фейри и спас меня, но это не значит, что я в безопасности.

Волк заговаривает снова:

– Фейри не подобает находиться там, где обитают люди. И тем более рисковать своими жизнями.

Согласно киваю, пускай немного резко и неуверенно.

– Я понимаю, на что вы ради меня пошли, и очень это ценю, – умудряюсь я выдать.

Будь у меня хоть какой-то опыт, я бы подумала, что волк улыбается.

– Ах да. Я поступил смело, правда? Очень смело и подверг себя опасности. Ты, должно быть... ошеломлена оттого, что еще жива.

Так, что тут происходит? Я прищуриваюсь.

– Да.

– Так ошеломлена. И благодарна. Должно быть, тебе кажется, что ты обязана мне жизнью.

Кровь в жилах стынет, и от его фраз становится зябко. Уж очень они похожи на условия сделки фейри, о которых столько рассказывали. И которые я считала слишком фантастическими. Пытаясь припомнить все, что когда-либо слышала в сказках и легендах, стараюсь подбирать слова с особой осторожностью:

– Мне кажется, вы поступили очень великодушно, сэр... волк.

– Да, так великодушно. Интересно... тебе хочется отплатить мне за мою доброту? По собственной воле и желанию, разумеется, – добавляет он спешно.

Хмурясь, делаю шаг назад.

– Пожалуй, мне пора. У меня встреча в тридцать третьем доме по Уайтспрус Лэйн. Полагаю, он в конце этой тропы. – Я указываю за спину и делаю еще шаг. И еще.

Волк как будто бы ворчливо вздыхает.

– Какая жалость, что тебе пора, ведь я бы еще поболтал. – Его голос становится громче, суше, и каждый слог походит на объявление.

Прежде чем успеваю ответить, откуда ни возьмись выскакивает волк с коричневой взлохмаченной шерстью и устремляется на меня. Я с криком пускаюсь со всех ног, но меня снова спасает белый волк. Звери вновь вступают в сражение и, рыча и обнажая клыки, катаются по земле, перемещаясь с тропы в кусты и обратно. Вдруг я оказываюсь на дорожке одна и понимаю, что пора уносить ноги – сейчас или никогда. Но мне бежать к тридцать третьему дому по Уайтспрус Лэйн, где – очень надеюсь – ждет убежище? Или к главной дороге и попытаться вернуться в город, пока меня не хватились волки? Оба варианта слишком рискованные, а выбирать некогда.

Все нутро вопит мчаться домой, забыть о собеседовании и о маньяке, который пригласил меня в лес, вместо того чтобы назначить встречу в безопасном месте. Я отправляюсь по той тропе, по которой пришла, скользя по утопанному волками снегу и стремясь выбраться на главную дорогу. Несясь по склону, временами бегу, временами скольжу. И, вероятно, преодолеваю половину пути до самой первой развилки, как вдруг в поле зрения появляется огромная белоснежная фигура.

Я резко останавливаюсь, чудом не подвернув ногу.

На тропу, прихрамывая, ковыляет белый волк, голова его опущена, язык висит из пасти. Его бок покрыт ярко-алой кровью. Он с мучительным стоном делает еще три шага и падает на землю.

– Ах! – скулит он. – Ох, больно. Агония. Прошу, помоги мне.

Дрожа с головы до пят, я приближаюсь к зверю. Отчасти мне хочется обойти его и затребовать свою свободу, но, когда вижу, как много крови на его бедре, мое сердце оттаивает. Кроме того, это не какой-то обыкновенный волк, это волк-фейри. Если оставить фейри умирать, потом можно столкнуться с последствиями. Затаив дыхание, опускаюсь рядом с ним на колени. Протягиваю к нему руки, но понятия не имею, что делать. В своей жизни мне приходилось лечить лишь поцарапанные коленки. И что прикажете делать с такой серьезной раной? И – да ради всего святого – у него отсутствует задняя лапа?!

– Ох, больно, – стонет волк. – Должно быть, ты снова думаешь, какой я смелый. И спас тебе жизнь уже дважды.

Странно заострять свое внимание на этом, когда истекаешь кровью, но я соглашаюсь:

– Да, повторюсь, я очень благодарна.

– При виде меня в таком состоянии... уверен, твое сердце... оттаивает, так? Ты, должно быть, чувствуешь себя передо мной в долгу. И твоя благодарность настолько всепоглощающая, что тебе хочется... чем-нибудь пожертвовать? Например, своим ценнейшим сокровищем?

Я игнорирую его и вместо этого снимаю пальто, после чего пытаюсь остановить кровотечение из его бедра. Но тут закрадываются сомнения. Когда я пытаюсь найти место повреждения, чтобы зажать рану, то не нахожу никаких травм: ни исполосованной плоти, ни свежей вытекающей крови. Нагибаюсь к волку ближе, и ноздри щекочет знакомый аромат. Неужели это... томатный соус? Я отстраняюсь и медленно поднимаюсь.

– Что ты делаешь? Не видишь, в каком я состоянии?

Странное поведение должно было выдать его сразу, но я все списала на незнакомые мне повадки фейри.

– Не стой истуканом, – возмущается он, а потом морщит морду в подобии гримасы. – Моя лапа. О, моя бедная лапа.

– Твоя лапа в порядке, – выдавливаю я сквозь зубы, сохраняя спокойствие, насколько это возможно. Пускай я поняла, что меня обманули, но страха от этого не поубавилось. Только

сейчас к испугу примешиваются раздражение и злость, они-то и придают мне сил, чтобы не развалиться.

– В порядке? – повторяет он за мной, и в его голосе слышится ярость. – Ты не видишь, что ее нет? Как это может быть нормально?

– Согласна, ее нет, вот только нет свидетельств того, что ты лишился лапы только что. Волк приподнимает голову и устремляет на меня взгляд рубиновых глаз:

– А как же красная жидкость?

– Думаешь, – прищуриваюсь я, – я не узнаю запах томатного соуса, когда его учую?

Тяжело вздохнув, зверь поднимается на свои три лапы. Это объясняет, почему мне сразу показалось, что его движения не так грациозны, как у остальных волков.

– Выходит, – говорит он, – ты не желаешь пожертвовать мне свое ценнейшее сокровище в знак глубочайшего уважения и любви ко мне? Конечно же, по собственной воле и желанию. – Как и до этого, последнюю часть он выпаливает.

Я одариваю его язвительным взглядом и от удивления распахиваю рот:

– Нет.

– Ну как знаешь.

Содрогнувшись, волк растворяется в белоснежном облаке, и на его месте появляется мужчина. Человек размером с медведя с широкими плечами, дикой пышной гривой длинных темных, золотисто-каштановых волос и бородой гризли. Рубиновый цвет его глаз уже не такой яркий, оттенком больше напоминает гранат, но глубокий, как у темнейших вин. Он скачет на левой ноге, а его правая конечность кончается чуть ниже колена, и культя прикрыта заколотой штаниной коричневых брюк. Затем, не сводя с меня глаз, он издает свист.

На этот звук со всех сторон тропы выходят такие же огромные, медведеподобные фейри-мужчины. Что-то мне подсказывает, что это остальные волки, с которыми я недавно столкнулась, только теперь в облике людей. И осознание ни капли меня не успокаивает.

– Что происходит? – спрашиваю я, коря себя за дрожь в голосе.

Никто не отвечает. Женщина с обветренным лицом и выющимися седыми волосами бросает лидеру длинный сучковатый посох, и он ловит его в воздухе. Верхушка посоха раздвоенная и формирует углубление, и лидер ставит приспособление под левую руку.

– Переходим ко второму этапу, – сообщает он.

Остальные кивают и поворачиваются в мою сторону. Мне не нужно оглядываться, чтобы понять, что я окружена. Нутром чую. Сердце уходит в пятки, но я дерзаю спросить:

– Что за второй этап?

Уголок губы мужчины-фейри приподнимается под кустистой бородой.

– Взять ее.

Глава VII

Я ничего не вижу, но до меня доносится шепот. Довольно быстро бросаю тщетные попытки выбраться из тесных узлов, которыми мне связали руки за спиной и примотали лодыжки к ножкам стула. Уверена я только в этом – меня привязали к стулу. Стараюсь податься вперед и верчу головой, желая разобрать хоть слово из разговоров, еле слышных из-за двери.

Еще сомнений не вызывает, что я в помещении. Вскоре после того как люди-волки меня окружили, мне завязали глаза, связали и кляпом заткнули рот. Куда меня потом несли, не знаю, но дорога была недолгой. Где бы я ни находилась, тащили меня сюда вроде бы на плече, и, невзирая на панические вопли, заглушаемые куском ткани, я уловила момент, когда обжигающий ветер перестал обдувать лицо, а хруст снега под ботинками сменился звуком топота по твердой поверхности, эхом отскакивавшим от стен.

Только ничего из перечисленного мне не поможет, ведь я еле могу выдавить хоть писк. Что они обсуждают? Как интереснее оторвать у меня конечности? Разум подкидывает зловещие картины, как фейри снова обращаются в волчью форму и раздирают меня на части, пока я изо всех сил кричу. Или насылают проклятие, отчего я пляшу, пока пальцы ног не стираются в кровь, как было в пугающих легендах, которые я по глупости считала выдумкой. Можно смело заявить, что я ошибалась во всех своих предположениях о фейри.

Ну зачем я сюда пошла? Зачем? На протяжении нескольких недель я боялась городских жителей, их сплетен, лжи, хотя на самом деле стоило остерегаться чудовищ, к которым предвзято относится любой здравомыслящий человек. Фейри, волков. Лесов.

До ушей доносится звук, похожий на скрип двери, за ним следует становящийся все громче стук каблуков. Внезапно в повязке появляются просветы, словно в месте моего заключения включили свет. Я ощущаю, как некто заносит руки мне за голову, и после этого повязка ослабевает. Сердце уходит в пятки, ужас сковывает каждую клеточку тела. Понятия не имею, что увижу, когда ткань спадет. Вдруг я в темнице, в пыточной или...

Несколько раз моргнув, привыкаю к мягкому искусственному свету, такому же, как у нас дома, и вдруг понимаю... что я в спальне. Меблированной очень просто и скромно. Складывается впечатление, что ее не посещали полвека, и это пугает только сильнее. Что ж, это и три фигуры, высящиеся надо мной.

По-прежнему находящийся в человеческом облике главарь, очевидно, еще недавно бывший невыносимым белым волком – альфа этой шайки, – стоит по центру с посохом под левой рукой, его золотисто-каштановые волосы рассыпались по плечам. Я медленно поднимаю голову и ловлю его взгляд, одновременно удивляясь тому, что он куда моложе, чем я сначала предположила. Пускай неопрятно одет, рукава покрытой пятнами льняной рубашки закатаны до локтя, а дикие пышные волосы и борода растрепаны, на лице ни морщинки, ни складочки, которые мое воображение добавило в лесу. Ему не больше двадцати пяти.

«Он *фейри*», – напоминаю себе. Они стареют не как люди. Он с тем же успехом может быть древним старцем. А даже если это не так, его возраст не имеет никакого отношения к нынешним обстоятельствам.

Я сверлю альфу сердитым взглядом, но подозреваю, что дрожащее тело сводит все мои старания на нет. Один из двух его помощников – мужчина-фейри с черными волосами и темной кустистой бородой – прыскает за его спиной, а затем идет на другую сторону комнаты и устраивается за пыльным письменным столом. Протирает поверхность рукой, после чего достает из выдвижного ящика несколько листов бумаги и перьевую ручку. Второй помощник, уже знакомая мне седовласая женщина-фейри, скрещивает руки на груди и недобро на меня смотрит. Как и фейри, которого мы с Имоджен мельком видели у отеля «Верити», нечеловеческую натуру этих созданий выдают лишь заостренные уши.

Альфа склоняется вперед, а я дергаюсь назад, но он всего-то тянется к клочку ткани, служащему мне кляпом. С гримасой оттягивает кляп вниз, спешно отстраняется и вытирает о рубаху руку, которой коснулся тряпки с моей слюной.

– Чего ты от меня хочешь? – стараюсь я задать вопрос пожестче, но голос звучит слабо и хрипло.

Альфа косится на волка-мужчину за столом. С конвертом, ручкой и бумагой в руках, он кивает. Переводя взгляд на меня, альфа задает свой вопрос:

– Ты замужем?

От лица отливает кровь. Что это за вопросы? Ох, да ради всего святого, во что я ввязалась?

Фейри раздраженно ворчит, и его голос становится резче:

– Отвечай на вопрос, человечешка.

Я еле глотаю слюну. Как бы сильно ни хотелось сопротивляться моим похитителям, полагаю, лучше все же сотрудничать. Пока что.

– Нет, – наконец отвечаю. – Не замужем.

– Тогда кому ты принадлежишь? – спрашивает он, взмахивая рукой. – Я в курсе, что ваш вид обожает держать свои семьи при себе, как собственность, я же прав?

Я ощетиливаюсь и желаю возразить, вот только, как бы гадко ни было признавать, он прав.

– Я живу с отцом, – цежу сквозь зубы.

Кажется, он воодушевлен моим ответом, и его глаза загораются.

– С отцом, ну конечно. Как его зовут?

Открываю рот, чтобы заговорить, но не получается выдать ни звука. Пускай мы с отцом не ладим, мне противна мысль, что из-за моих слов он может пострадать.

– Зачем тебе? Во имя всего святого, что здесь вообще происходит?

Он наклоняется и рукой опирается о подлокотник моего стула, после чего смотрит мне прямо в глаза. Я отстраняюсь, насколько позволяет положение, и задерживаю дыхание.

– Это я здесь задаю вопросы, – сообщает он. – А теперь скажи его имя. И не смей лгать. Узнаем, что ты нам врала, откусим по пальцу за каждую сказанную тобой ложь.

– Ладно, – сдаюсь я, и голос звучит чуть выше, чем я рассчитывала. – Его... зовут Ричард Бельфлёр.

Похититель выпрямляется и шелкает пальцами, а затем указывает на фейри за столом. Следующие его слова звучат грозно и твердо:

– Ричард Бельфлёр.

Фейри прижимает ручку к бумаге и что-то на ней выводит, после чего поднимает взгляд на альфу. Альфа продолжает вещать тем же тоном:

– У меня ваша дочь... – Он снова поворачивается ко мне и понижает голос: – Имя, человечешка. Как тебя зовут?

Губы начинают шевелиться раньше, чем удастся заговорить:

– Джемма Бельфлёр.

Он возвращается к прежнему тону, и описать я могу его только как «голос злодея». Практически идеальная имитация голоса, которым я наградила антагонистов в любимых романах.

– У меня ваша дочь, Джемма Бельфлёр. Она цела и невредима. Пока, – добавляет он зловеще и машет в воздухе рукой, будто пишет. – Выдели слово «пока», хорошо?

Фейри у стола кивает и продолжает выводить буквы.

– Если хотите ее вернуть, я приму... – Он останавливается, щурится и поджимает губы. Почесывает бороду и смотрит на меня с приподнятой бровью. – Каково состояние твоего отца?

– Состояние? – повторяю я.

Его лицо искажает гримаса раздражения, и он активно кивает:

– Ежегодное жалованье, человечиска.

Ежегодное жалованье. Я сужаю глаза, анализируя всю имеющуюся информацию, и прихожу к выводу:

– Вы... удерживаете меня ради выкупа?

– Так у вас это зовется? – выдает он, хмурясь.

– Выкупом, да, – подтверждает женщина-фейри, и я замечаю ее острые кривые зубы. – Кажется, у них такой термин.

Благодаря осознанию их цели я чувствую прилив спокойствия, и ужас перестает быть всепоглощающим. Разумеется, он не отступает полностью, но у меня появляется преимущество. С выкупом я могу справиться. Это область цифр и чисел, а с ними у меня проблем нет. Глубоко вздыхая, я пытаюсь натянуть маску невозмутимости. Из-за связанных за спиной рук это не так просто, ведь осанка играет не последнюю роль, когда хочется продемонстрировать уверенность, но ничто не мешает мне расслабить мышцы лица, выровнять дыхание и успокоить голос.

– Неприятно это говорить, но у нас нет денег, – заявляю я. – Мы бедные. И не потянем выкуп. Вам лучше меня отпустить.

Главарь жестко смеется:

– Это ложь. Достаточно взглянуть на твое уродливое платье.

Мои щеки вспыхивают, но я скрываю свое возмущение за стыдливостью.

– Лучшего у меня нет. Я... надела его, потому что шла на собеседование. На работу. Когда вы меня обнаружили, я как раз направлялась в тридцать третий дом на Уайтспрус... – Обрываюсь на полуслове и складываю два и два. Проклятье. На мгновение замираюсь. А открывая глаза, прожигаю альфу взглядом. – Позволь угадать. Это и есть тридцать третий дом по Уайтспрус Лэйн, так?

Крепкий фейри горделиво ухмыляется, но не отвечает.

– Вы заманили меня сюда обманом, да?

– Я бы сказал, привлекли.

От ярости закипает кровь и становится тяжело дышать, но я стараюсь не выдавать своего состояния.

– Я-то думала, фейри не лгут, – прошупываю я почву. Могут ли? Правда ли говорится в легендах?

– Я и не лгал.

Женщина-фейри кивает, словно подтверждая истинность его слов.

– Ты разместил объявление о поиске домоправителя. – Я выгибаю бровь.

– У меня и нет домоправителя, – пожимает он плечами, – так что, технически, он мне нужен. Возможно, фейри и не лгут, но мы отлично хитрим. Так, поболтали и хватит. Отвечай, каково состояние твоего отца.

Я стискиваю зубы и лихорадочно пытаюсь отыскать выход из ситуации, который подарит мне свободу, а отцу неприкосновенность. Не уверена, что он придет за мной, сколько бы ни запросили похитители. Да, он вернул свои богатства, но пожелает ли потратить их и вытащить меня из подобной передраги? Учитывая, что вляпалась я в нее, воспротивившись его правилам и воле? Не знаю, сколько прошло времени после того, как я вышла из дома, но Нина и Сьюзан уже могли рассказать отцу, где я и что задумала. Если так, наверняка он жутко гневается. И стоит ему выяснить, что я не только отправилась на собеседование, но еще и попала на уловку и стала заложницей, за которую хотят требовать выкуп...

– Я солгала, – признаюсь я, задирая подбородок. – Я богата. Но не просите денег у моего отца, давайте заключим сделку. Если отпустите меня, я принесу вдвое больше, чем вы думали затребовать у отца.

– Не нужны мне деньги. – Главарь посмеивается.

– Тогда... – Мне остается только хлопать глазами от удивления. – Какого черта вы будете требовать за меня выкуп?

– Выкуп, глупая человечиска, лишь приманка. – У альфы напрягается челюсть. – Когда он придет совершить обмен, то обнаружит, что тебя окружают разбойники. – Помощники кивают в знак подтверждения. – Затем я, отважный герой, вступлюсь за тебя и вырву из лап негодяев, после чего передам твоему отцу невредимой.

Я недоуменно пялюсь на довольных собой фейри:

– Зачем?

– Чтобы он ощутил признательность. Я спасу и дочь, и деньги, и его переполнит чувство благодарности. Он тут же пожелает пожертвовать то, чем дорожит сильнее всего. По собственной воле, разумеется.

Так вот в чем суть. Мы возвращаемся к тому, о чем он говорил с самого начала. По какой-то необъяснимой причине ему нужен человек, который захочет принести добровольную жертву. Но больше всего меня в этом плане забавляет его уверенность в том, что мой отец... захочет...

Я закидываю голову и раздражаюсь хохотом.

– Думаешь, мой отец будет тебе благодарен за то, что ты вернул невредимой меня? Меня!

Он насупливается и глядит на меня с прищуром.

– В этом весь смысл второго этапа, – заявляет он, но нахальства в его тоне убавляется. – Если первый проваливается, мы нацеливаемся на того, кто отчаянно любит нашу заключенную.

Мне требуется несколько мгновений, чтобы перестать смеяться, и даже тогда еле удается говорить, не сбиваясь:

– Возможно, раньше у вас все получалось, но с моим отцом ничего не выйдет, можете мне поверить.

– Вообще, и раньше ничего не получалось, – шепчет фейри за столом и почесывает бороду.

Альфа пригвождает его взглядом.

– Это не значит, что не стоит пытаться. План надежный.

– Ты выбрал не ту девушку, человек-волк, – сообщаю я и качаю головой, не в силах прекратить посмеиваться. – Ради меня отец не принесет и самой незначительной жертвы.

Особенно если решит, что я втягиваю нас в очередной скандал. Но это я вслух, разумеется, не говорю.

Лицо главаря становится ярко-красным и искажается в жуткой гримасе.

– Тогда можешь гнить здесь вечно!

Он резко разворачивается и направляется к двери, опираясь на свой посох. Помощники, бросив на меня презрительный взгляд, следуют за ним, выключают свет и бросают в кромешной тьме.

Глава VIII

Вскоре адреналин сходит на нет, сковывавший прежде ужас притупляется, улечивается веселость, вызванная нелепым планом волка-фейри, и остается лишь холод. Он пробирает до костей, лижет кожу там, где к ней прикасаются пропитавшиеся талым снегом платье и юбки – вот оно следствие попытки побега от волков. Пряди влажных темных волос выбились из прически и липнут к щекам. Я едва ощущаю окоченевшие ноги в сапогах, что, вероятно, к лучшему. Боюсь, когда к ним вернется чувствительность, мне грозит невероятная боль.

Глаза привыкают к темноте, и я начинаю вертеть головой, пытаюсь изучить окружающую обстановку. В комнате два больших окна, занавешенные тяжелыми плотными шторами, сквозь них едва пробивается бледное свечение. Боковым зрением замечаю кровать, которая наверняка когда-то выглядела величественно, обрамленная четырьмя резными столбиками и накрытая парчовым одеялом. И, несмотря на слабое освещение, я вижу, насколько здесь пыльно.

Рассматриваю меблировку: письменный стол, камин, гардеробный шкаф, зона для водных процедур, уголок для отдыха – все это давно не использовалось и выглядит потерто. Закрадывается мысль, что волк-фейри просто вломился в чей-то заброшенный летний дом и поселился в нем, чтобы проворачивать свои преступные схемы. И все равно не понимаю, зачем преодолевать такие сложности, только чтобы получить добровольную жертву от человека. Ради забавы? Так фейри веселятся, когда им становится скучно? Или существует достойная причина?

Ух, и до чего же невыносимый и гадкий их альфа. Даже в помещении, погруженном во мрак, мне видится его глупая ухмылка и слышится хриплый голос, надиктовывающий злое письмо. Болваны. Все они болваны.

Ах! А я самая недалекая из них всех, раз умудрилась попасться.

Тут со скрипом приоткрывается дверь, отчего я дергаюсь, чувствуя, как подскакивает пульс, но через мгновение стараюсь взять себя в руки, готовясь к очередной стычке. Падающий из коридора свет очерчивает фигуру того, кто решил зайти. Я хмурюсь и подмечаю, что этот посетитель куда ниже уже знакомой мне тройцы. Он поднимает руку, тянется к стене, и комнату заливают светом, который отбрасывают яркие шары, нависающие над несколькими бра, похожими на керосиновые лампы. Но я-то знаю, что здесь, как и в Верноне, источником электричества является не керосин, а силовые линии, что тянутся по земле. Волшебство фейри.

Новоприбывший закрывает дверь и прислоняется к ней, в его руках поднос, а в широко распахнутых глазах читается любопытство. Тогда я осознаю, что это мальчишка. Ему едва ли больше восьми. Одет он, как молодые люди Бреттона: слишком короткие брюки, поношенные ботинки и потертые подтяжки поверх желтоватой рубахи, которая наверняка прежде была белой. У него очень длинные волосы, а макушку венчает серая тряпичная кепка, открывающая заостренные уши.

Перевожу взгляд с него на поднос со стаканом воды и ломтем хлеба. Прошло недостаточно много времени, чтобы я начала ощущать отчаянный голод, однако при виде воды понимаю, как пересохло во рту. Растягиваю губы в, как мне представляется, приятной улыбке и спрашиваю:

– Это мне?

Его брови взмывают над темными глазами, и он направляется ко мне.

– Попытаешься бежать, и члены моей стаи поймут тебя быстрее, чем ты доберешься до двери. Попробуешь что-нибудь выкинуть, и я отгрызу тебе руку.

Улыбки как не бывало. Наверное, это один из тех волков поменьше, что я заметила во время сражения. И неважно, юный или нет, он опасен.

Мальчик ставит поднос в нескольких футах от меня и огибает стул, собираясь подойти со спины. Через пару мгновений чувствую, как ослабевают повязки на запястьях.

– Помни, я кусаюсь, – произносит он, чуть не рыча, но я улавливаю в его голосе дрожь. Словно... он меня боится.

Как только руки оказываются свободны, я приподнимаю их, но стараюсь не делать резких движений, после чего кладу их на колени. Ноющие мышцы так и просят о встряске или растяжке, но под настороженным взглядом мальчика приходится вести себя спокойно. Если он сказал, что кусается, не верить ему повода нет.

Обойдя меня по широкой дуге, он возвращается к подносу и протягивает тот мне. Как только я его забираю, мальчик отпрыгивает и скалится.

Несколько мгновений я сижу смиренно, выдерживая его взгляд. Затем, когда мальчик чуть расслабляется, медленно поднимаю стакан с водой и жадно припадаю к нему губами, глотая жидкость большими глотками. В этот момент она кажется вкуснее любых изысканных вин. Выдохнув, ставлю стакан обратно на поднос и снова смотрю на мальчика. Однако все его внимание обращено уже не на меня, а на ломоть хлеба, и у уголка его рта виднеется чуть вытасценный язык. Выражение его лица смягчается, и от этого он кажется моложе, уязвимее.

Возможно, он вовсе и не опасен. Вероятно, он... голоден. Я стараюсь говорить ровно:

– Хочешь, поделюсь с тобой?

– Нет, – быстро отвечает он, и тоскливый взгляд сменяется оскалом. – Ненавижу человеческую еду. Она сухая и противная, а еще есть ее – позор для неблагих. – Невзирая на уверенный тон, сказанные слова звучат холодно и заученно.

Я приподнимаю ломоть и хмурюсь.

– Ты прав, хлеб и правда на вид сухой. К тому же вроде сыплется. А это... – Подношу хлеб к носу и принохиваюсь. – Масло? Нет, это уж слишком. Я не смогу столько съесть. Лучше разорву на части и выброшу...

– Нет! – Мальчик с вытянутой рукой делает шаг вперед, но тут же возвращает самообладание. – Я... отнесу его обратно на кухню.

подавив улыбку, я изображаю невинное недоумение.

– Почему бы тебе не съесть его за меня?

Он глядит на ломоть, и уголки его глаз опускаются.

– Не положено. Я должен проследить, чтобы ты поела, потом связать тебя и вернуть поднос на кухню. Вот и все.

– Хотя бы раздели его со мной. – Я ломаю кусок на части, чувствуя, что он еще теплый, и вдыхаю запах. – Ох, вкусно. Знаешь что? Я ошиблась. Он не сухой. Он сочный, масляный и именно такой, каким должен быть хлеб. Держи.

Мальчик тарачится на мою вытянутую руку с куском хлеба всего секунду, а затем вырывает еду и вгрызается в нее зубами.

Я откусываю совсем немного и поражаюсь приятному вкусу. Возможно, какие-то мои молитвы все же были услышаны. Наблюдаю за тем, как мальчишка доедает свой кусок, и небрежно спрашиваю:

– Ну и как?

– Ничего, – ворчит он.

– Ты смел его очень быстро. Тебя хорошо кормят?

– Нормально я ем. – Он буравит меня взглядом. – Просто... мне нравится хлеб, вот и все.

– Я думала, человеческая еда противная.

– Она сухая и гадкая, – поспешно сообщает он. – Волкам положено есть свежее мясо свежей добычи.

– Вкуснятина.

– Ну да. – Выражение его лица меняется, и он отводит глаза. – Когда я в облике волка.

– В облике волка, – повторяю я и склоняю голову набок.

– В неблагой форме. А в благой форме... в общем, тогда мне нравится хлеб.

Неблагой. Благой. Я хватаюсь за эти слова и вспоминаю всё, что когда-либо слышала о фейри. Эти термины – предпочтительный вариант выражений «низший фейри» и «высший фейри», которые используют люди, и если я правильно понимаю, то его волчья форма, должно быть, «неблагая», а человеческая – «благая». До сих пор мне казалось, что фейри могут существовать только в одной форме и не могут ее менять по собственному желанию. И это уже выходит за рамки того, что мне известно об их чарах. Почему подобной информации не было в буклетах, выдававшихся нам во время получения гражданства в Фейривэе?

Я отпиваю немного воды, намереваясь расправиться со своим обедом как можно дольше. Наша беседа уже подарила пищу для размышлений, а значит, если выйдет разговорить мальчика, мне удастся выяснить что-нибудь еще.

– Как тебя зовут?

Он дерзко приподнимает подбородок.

– У нас нет имен.

– Почему это? – Я хмурюсь.

Его губа подрагивает, и он признается:

– Мы их не помним. Его Величество зовет меня Задира. – Последнее слово он бормочет так тихо, что я едва его улавливаю.

Однако внимание заостряю на «Его Величестве».

– И о какой королевской особе ты говоришь?

– О короле, – сообщает мальчик так, словно это очевидно.

– А кто такой... этот король?

Он широко распахивает глаза.

– Ты с ним уже говорила. Он неблагой король Зимнего королевства.

Я застываю с только что откушенным куском хлеба. Похоже, мальчик не шутит, но этого не может быть. Наверняка очередная уловка обманщиков-фейри в меняющейся личине.

– Дай угадаю. Белый волк с тремя лапами? Альфа, который заходил с помощниками?

Мальчик кивает.

– Он же на самом деле не король, да?

– Да нет, настоящий король. – Он скрещивает руки и выпячивает губу. – Я не могу врать, дамочка.

От лица отливает кровь. Я отвожу взгляд от подноса и демонстрирую живой интерес к следующему кусочку хлеба, пока пытаюсь разложить полученную информацию по полочкам. Допустим, фейри не способны лгать, но учитываются ли случаи, когда говорящий верит в свою ложь? А как иначе, ведь это лохматое создание не может быть королем. *Моим* новым королем. Я лихорадочно припоминаю все, что слышала о королевских особах Фейривэя, в частности – Зимнего королевства. У каждого королевства по два правителя, благие и неблагие король или королева и их подданные, люди или фейри, должны быть преданы им обоим. С прощением можно обращаться к любому из них, но, насколько понимаю, большинство людей предпочитают иметь дело с благим правителем или обращаться к человеку, назначенному представлять королевство. Только, пускай люди мало взаимодействуют с неблагим королем, разве граждане Вернона не знали бы, что он живет рядом? Что он волк? И выглядит, как безумный горец? А что насчет его имени? Уверена, он его упоминал...

Но в голове пусто.

Тут вспоминается вчерашний разговор с Имоджен. Она рассказывала, как мало известно о неблагом короле, а когда хотела что-то добавить, то внезапно застыла и словно на мгновение забылась. Тогда я не придавала этому значения, но теперь... Да что, ради всего святого, здесь происходит?!

Я жую хлеб и запиваю его глотком воды.

– То есть, когда ты сказал, что вы не помните имен, ты в том числе подразумевал и имя короля?

Мальчик кивает.

– Тогда почему ты уверен, что он и правда король?

Мальчик беззаботно пожимает плечами.

– Мы просто знаем. Он всегда был королем. Возможно, даже дольше.

Я прищуриваюсь и пристально смотрю на него:

– Выходит, вы помните, что он король, но не помните его имени. Как так?

И снова мальчик пожимает плечами.

– Из-за проклятия. Проклятия глупые, и условия у них такие же.

Я резко дергаю головой.

– Стой, проклятие?

– Да. Ты собираешься доедать? – Он так и тарашится на последний кусок хлеба.

Мне отчасти хочется продолжать есть, чтобы задержать его и продолжить разговор. Но для этой цели у меня достаточно воды.

– Забирай.

Он поднимает остатки хлеба и запихивает их в рот. Я наклоняюсь вперед.

– Итак, что насчет проклятия?

– Мне не положено обсуждать его с тобой, – сообщает он, пережевывая еду.

– Разумеется, оно сказывается и на тебе.

– Ага.

– А каким образом?

– Это так скучно и глупо, – ворчит он.

– И все же мне интересно послушать, – хлопаю я ресницами.

– Ладно. – Он усаживается, подгибая под себя ноги. Но только он открывает рот, раздается стук в дверь, отчего мальчик быстро вскакивает. Хватает поднос с моих коленей и в спешке чуть ли не бросает его на пол, а затем обходит стул и снова связывает мне руки за спиной. К счастью, хотя бы не затягивает узлы так сильно, как это сделал его предшественник. Закончив, забирает поднос и бросается к двери. – Мне пора, пока!

– Погоди!

Мальчик останавливается, уже готовый повернуть ручку, и глядит на меня с подозрением. Завладев его вниманием, я не знаю, что говорить. Понимаю лишь, что он может стать моим союзником. А мне пригодится любая поддержка, которой удастся заручиться. Я одариваю его теплой улыбкой.

– Может, в следующий раз принесешь ломоть хлеба побольше? Чтобы было чем поделиться.

Выражение его лица проясняется, и он кивает.

– О, и если тебе не нравится имя, которым тебя наградил король... Задира, да? – Он хмурится. – Ага, угадала. Можно звать тебя как-то иначе? Давай... Мика?

Всего на мгновение его губы растягиваются в широкой счастливой улыбке, но уже через секунду он возвращает маску безразличия.

– Вроде ничего такое имя. Для человека.

– Договорились. Значит, Мика. Меня зовут Джемма.

В дверь снова стучат, куда сильнее, и мальчик выбегает из комнаты. На этот раз меня заперли с включенным светом.

Оставшись наедине с собой, я думаю о нашем разговоре и пытаюсь вычленить самое важное. Мальчик – или Мика, как я его назвала, – дал мне много пищи для размышлений и добавил несколько вопросов. Не сомневаюсь, мы еще пообщаемся, и я выясню то, что поможет

мне выбраться отсюда. Главное, узнать больше о предполагаемом проклятии и правда ли главарь этой стаи является королем. Обе задачи сопряжены с определенными трудностями, но, чтобы с ними справиться, нужно во всем разобраться. А я справлюсь. Если я способна спасти семью от нищеты, проведя простые расчеты и придерживаясь надежного плана, то способна сбежать... от того, во что бы ни вляпалась.

И для начала нужно освободиться от чертовых веревок.

Глава IX

Разговор с Микой пришелся кстати, потому что благодаря ему мне удалось упорядочить мысли. Чувство неопределенности никуда не делось, и страх по-прежнему впивается своими когтями в позвоночник, но, по крайней мере, мальчик показал, что с фейри можно договориться. Во всяком случае, с теми, которым нравится хлеб. А значит, можно надеяться, что я полажу и с другими, так?

Я с силой, подпитываемой решительностью, верчу запястьями в не туго затянутом узле, шевелю руками и плечами, пока не получается скинуть веревку. Встряхиваю запястьями, массирую их и освобождаю лодыжки. Как только заканчиваю, я поднимаюсь на нетвердых ногах и чувствую, как мышцы протестующе ноют при каждом движении. Морщусь, когда при первом шаге начинает покалывать пальцы, и слышу, как в сапогах хлюпает вода.

С ворчанием усаживаюсь обратно и расшнуровываю обувь, после чего снимаю промокшие колготки. К коже тут же липнет влажное платье, и я вздрагиваю от холода. Озираюсь по сторонам, но не обнаруживаю своего пальто. И лишь тогда припоминаю, что сняла его еще в лесу, желая остановить кровотечение из несуществующей раны белого волка.

Ладно, если сумасшедший волк-фейри хочет меня убить, то он выбрал не самый гуманный способ. Без огня и сухой одежды я точно умру от переохлаждения. При этой мысли у меня повышается пульс.

Босиком пересекаю комнату, направляясь к гардеробному шкафу, и распаиваю его дверцы. Сомневаюсь, что найду там хоть что-нибудь полезное, но меня ждет приятный сюрприз – внутри находятся серый шерстяной плащ и три платья. От одежды пахнет затхлостью, но, изучив ее, понимаю, что она в неплохом состоянии. Плащ длинный и плотный, он практически умоляет меня надеть его. Потому быстро снимаю его с вешалки и обращаю внимание на платья. Сначала щупаю ткань одного и останавливаюсь, пораженная ее мягкостью. Возможно, я просто замерзла, и сейчас любой материал покажется мне роскошным, но деликатность изделия ошеломляет. Стиль платья тоже не вызывает никаких ассоциаций: у него длинная многослойная юбка и длинные рукава с расширяющимися манжетами. Лиф немного свободный с низким вырезом спереди и сзади, словно не подразумевающий ношение корсета. Несмотря на странный и элегантный крой, темно-зеленый цвет и отсутствие украшений, кружев и оборок, создается впечатление, будто оно не предназначено для ежедневной носки.

Быстро глянув на другие платья, прихожу к выводу, что они похожи на первое, разве что ткани другого оттенка зеленого. Не слишком долго размышляя, выбираю темное и как можно быстрее снимаю свой промокший корсет и влажное платье. Обнаженная кожа в холодном помещении тут же покрывается мурашками, но стоит натянуть новое платье, и я чувствую облегчение. К счастью, его можно надевать без помощников, чего не скажешь о моих привычных нарядах, потому я с легкостью затягиваю его на спине. Несмотря на свободный крой, оно мне слегка маловато, но меня это мало волнует. Ведь несколько слоев бархатистой как шелк ткани обволакивают меня подобно теплому одеялу. Затем я на плечи накидываю плащ и щелкаю золотой застежкой в виде листка.

Одевшись, закрываю глаза и вздыхаю. По крайней мере, можно не бояться переохлаждения. Уж не знаю, как волки отреагируют на то, что я рыскала здесь и по-свойски повела себя с гардеробом, но не это моя самая большая проблема, так? Сейчас мне необходимо проанализировать ситуацию и отыскать плюсы.

«У меня есть комната и сухая одежда, – думаю я, изучая комнату. – Мне приносят еду и воду. Я потихоньку превращаю Микку в союзника. А если меня кормят, значит, не намереваются убивать. Пока что».

Затем я направляюсь к письменному столу и роюсь в выдвижных ящиках в надежде найти оружие. Подойдет даже нож для писем, но мне не везет. Я обнаруживаю лишь бумагу. Они не оставили даже ручку.

Закончив со столом, перехожу к камину, и он оказывается пустым, абсолютно не подготовленным к розжигу огня. После этого добираюсь до постели, заглядываю под кровать, переворачиваю подушки. И не могу выбросить из головы сказки, в которых героиням удавалось сбежать от похитителей через окно, спустившись по туго связанным простыням. Учитывая длину и плотность двух простыней, парчового покрывала и шерстяного одеяла, мне остается надеяться на очень короткий спуск.

Эта мысль побуждает меня подойти к окнам. Я раздвигаю шторы на обоих и решаюсь посмотреть во второе. Всего одного взгляда через заиндевевшее окно хватает, чтобы откатиться от идеи о побеге и выбросить ее в мусорную корзину за несостоятельностью – расстояние до земли поистине пугающее. Я, должно быть, на третьем этаже. Не видно никаких выступов или деревьев, на которые можно перебраться, а внизу, пускай и усыпанная снегом, тянется каменная дорожка, примыкающая к садовым тропам.

Сердце уходит в пятки. Похоже, сказочного побега не случится.

Тогда я обращаю внимание на солнце и пытаюсь понять, который сейчас час. Из дома я вышла чуть позже девяти утра, и ясное, с редкими облаками, небо выглядит ничуть не изменившимся. Не обладая навыками навигации на природе, могу лишь догадываться, что сейчас позднее утро. Вероятно, полдень. Осознав это, чувствую облегчение. Прошло не так много времени, а значит, отец и Нина пока не вернулись домой. У меня есть возможность выбраться из этого места, прежде чем они обнаружат, что что-то не так. Прежде, чем отец прознает о моей ошибке и навсегда лишит меня содержания. Прежде, чем решит избавиться от меня, выдав замуж. Прежде, чем я лишусь надежды найти работу, обрести независимость и свободу. Прежде...

Тряхнув головой, я прогоняю тревоги. Будем решать проблемы по мере поступления.

Только я хочу отвернуться от окна, как мое внимание привлекает вид вдаль. Под облачным небом раскинулись изумрудные горы, покрытые шапкой свежего белого снега. А перед ними замечаю верхушки высоких изумительных деревьев. Пока брела сюда, я не подозревала, как высоко меня завела дорога до Уайтспрус Лэйн. Само собой, я очутилась не на вершине горы, но явно забралась глубже и выше, чем полагала. И благодаря этому обнаружила поразительный вид на горы, которые до этого представлялись не более чем унылым фоном города Вернон.

Здесь же горы не просто фон. Они – захватывающий центральный элемент пейзажа.

У меня появляется ощущение покоя, как и утром, когда я только вошла в лес. За последнее время я уже привыкла смотреть в окно и чувствовать скованность, ускоренное сердцебиение и тошноту при мысли о разговорах, что вечно ведутся на улицах Вернона. Но тут... ничего подобного. Никаких сплетен. Ни повозок, ни автомобилей. Лишь оглушительная тишина. Умиротворение и дремучий лес.

«*Опасный лес*», – напоминаю себе, прогоняя возникшие мечтательные настроения.

Я перевожу взгляд на сад и, заметив признаки движения, пугаюсь. Однако прижимаюсь к окну и шурю, пытаюсь рассмотреть что-нибудь сквозь ледяную корку, после чего решаю переместиться к другому окну. Через него происходящее видно лучше, и вдаль, где заросли ежевики обрамляют небольшой дворик, замечаю фигуру. А еще красное пятнышко, похожее на розу, спрятанную под снегом. Фигура устраивается на каменной скамейке рядом с красным пятном. Не скажу с уверенностью, но, судя по широким плечам и темной золотисто-каштановой макушке, вероятно, это альфа – предполагаемый король. Кто бы там ни сидел, он опускает голову и локтями упирается в бедра. Возможно ли... что это поза отчаяния?

Сужаю глаза и шурю.

Вдруг он поворачивает голову и пялится прямо на меня. Я быстро отскакиваю от окна и прячусь за стену. Дыхание сбивается, сердце колотится как бешеное. Но не мог же он и правда смотреть на меня, так? Следующие несколько мгновений у меня есть силы только на то, чтобы стоять с закрытыми глазами и пытаться успокоить дыхание. Когда беру себя в руки, то медленно подкрадываюсь к окну и осторожно выглядываю, стараясь не высовываться. Обращаю внимание на дворик и понимаю, что там никого. Вздыхаю с облегчением, но длится мое спокойствие недолго. Отсутствие фигуры тревожит сильнее, чем если бы он оставался на месте, ведь если он на самом деле меня заметил, то направляется сюда с единственной целью – привязать к стулу. Или сделать что похуже.

Прикусывая губу, изучаю комнату. Ни выхода. Ни оружия. На секунду возникает мысль усесться на стул и притвориться, будто я и не освобождалась, вот только новая одежда выдаст меня с головой. А натягивать на себя мокрую я не собираюсь.

За дверью предсказуемо раздается звук шагов.

Биение сердца отдает в ушах.

У меня остался лишь один способ защититься, и я разрешаю себе бояться до тех пор, пока не досчитаю до пяти.

Один.

Глубоко вздыхаю и расправляю плечи.

Два.

Иду на середину комнаты и скрещиваю руки на груди.

Три.

Задираю подбородок и растягиваю губы в надменной ухмылке.

Четыре.

Поворачивается дверная ручка. Я сужаю глаза и прячусь за своей маской.

Пять.

В комнату вламывается альфа, опираясь на посох, и скалится. За ним следуют те же два фейри – темноволосый мужчина и пожилая женщина.

Я устремляюсь вперед, преодолевая часть расстояния между нами.

– У тебя хватило наглости запереть меня здесь без огня. Я требую, чтобы вы разожгли камин.

Оглядев меня с ног до головы, он резко останавливается и делает шаг назад, едва не спотыкаясь.

– Ты смеешь что-то требовать?

– Если собираешься просить за меня выкуп, тебе, наверное, стоит держать свое слово.

Он ошеломленно хлопает глазами, будто у меня выросла вторая голова.

– Прощу прощения?

– В письме моему отцу ты заявил, что я невинна. Но ты солгал. Меня в промокшей одежде бросили в холодной комнате без обогрева. Если фейри не могут лгать, как ты объяснишь это?

Он поднимает руку к груди, а его лицо искажает жуткая гримаса.

– Ты в порядке, – цедит он сквозь зубы. – Даже нашла сухую одежду.

– Уж точно не благодаря тебе. – Я отставляю бедро. – Пришлось освободиться и отыскать ее.

Он закрывает глаза, как будто испытывает чудовищную боль. И пока я наблюдаю за тем, как он хватается за грудь и корчится, моя уверенность улетучивается. Вот что бывает, когда фейри врут? Их наказывают физической болью? Но кто наказывает? Некая мистическая сила... или они сами?

– Я не отправил письмо, – выпаливает он. – Я никому не врал. Никому! – После этих слов его лицо расслабляется, а сбивчивое дыхание выравнивается. Открыв глаза, он прожигает меня взглядом. И хрипло подтверждает: – Ты невредима.

– Пока здесь не разожгут камин, спешу не согласиться. Мне грозит переохлаждение.

– Чернобородый, – выдавливает он, и мужчина-фейри выходит вперед. Не разрывая со мной зрительного контакта, альфа обращается к помощнику: – Незаконченное письмо у тебя с собой?

Чернобородый – если спросите, самое неоригинальное имя – вытаскивает листок из кармана брюк.

– Разорви.

Чернобородый повинуется и разрывает бумажку пополам. Затем еще раз. И еще.

С каждым рывком альфа расслабляется все сильнее и сильнее, а я теряю самообладание. Маска уверенности сползает с моего лица, грозя явить им перепуганную девчонку. Как только письмо превращается в кучу ошметков на полу, губы альфы растягиваются в ухмылке.

Он медленно сокращает расстояние между нами, а я стараюсь подавить страх и не опустить голову. Более того, мне приходится ее задирать, чтобы смотреть ему в глаза, и это ошеломляет. Обычно я одного роста с мужчинами, если не выше их. Ситуация по меньшей мере приводит меня в замешательство.

– Ты серьезно говорила о своем отце? Что он не попадет на мою уловку?

– Если ты хочешь вынудить его принести жертву из чувства благодарности, он ни за что на свете не принесет ее ради меня. Скажу даже, что в мире нет ничего, ради чего он готов пойти даже на незначительные жертвы. – Не знаю, сколько правды в моих словах, но говорю я их невозмутимо и уверенно.

– Какая жалость, – вздыхает он. – По всей видимости, от тебя немного толку. На самом деле, ты непригодна.

– Нет, я... – В лице не остается ни кровинки.

Он вперивается в меня взглядом, в котором читается опасность.

– Убейте ее.

Глава X

Двое фейри бросаются вперед и, прежде чем я успеваю среагировать, хватают меня за руки и заводят их мне за спину. Подавляя желание завизжать, я пытаюсь вырваться, но помощники альфы слишком сильные, даже пожилая женщина. Вся моя напускная уверенность улетучивается, и я больше не маскирую страх.

– Отпустите!

Альфа стоит в стороне и ничего не делает, лишь нахально улыбается, словно происходящее его забавляет. В коридоре позади него появляются тени, и в дверной проем с любопытством заглядывают зеваки. Среди них замечаю Мику, который с широко распахнутыми глазами вцепляется в дверную раму.

– И что нам с ней делать? – спрашивает пожилая женщина.

Альфа переводит взгляд с меня на толпу, собравшуюся за пределами комнаты.

– Дайте-ка подумать. Вы голодны?

– Я бы поел, – признается Чернобородый, и остальные фейри поддерживают его радостными возгласами.

– Нет! – кричу я. – Вам это не нужно! Пожалуйста, не надо!

Игнорируя мои крики, два моих тюремщика толкают меня навстречу толпе, ломящейся в комнату. Лишь побледневший Мика держится позади и не отпускает раму. Голодные фейри надвигаются на меня и обмениваются мыслями насчет того, как будут хрустеть мои кости, каким теплым будет мое мясо.

Голова кружится, а конечности немеют. Веселый шепот и шутки звучат громче, оглушают меня и напоминают о другом случае, произошедшем не так давно. Меня окружали не дикие, жестокие фейри, а друзья. Друзья, чьи языки стали злыми, сочащимися ядом, пока прежде близкие люди скалились и ранили оскорблениями, как клинками.

Мысленно я не здесь и не там, перед глазами темнеет, а на лбу выступает испарина. Фейри кучкуются все плотнее, каждую мою мышцу сводит судорогой, и стою я на ногах только благодаря тюремщикам, не выпускающим меня из своей хватки.

– Давайте не будем ее есть! – раздается тихий дрожащий голос. Я хватаюсь за него, как за якорь, вытягивающий меня в настоящее, и ищу источник. Мика. – Нам это не нужно. В хранилище полно еды. Мы же вчера охотились!

Альфа не обращает на него внимания и мягко отталкивает, отчего юный фейри теряется за стеной крупных тел.

Однако смелость Мики выводит меня из ступора, и я обретаю свой голос, возвращая силу:

– Прошу, не делайте этого. Я не непригодна! Мы можем заключить сделку.

Толпа продолжает посмеиваться и шутить, жадно облизывая губы, однако выражение лица альфы становится жестче, и он поднимает руку. Комната погружается в тишину.

– Я могу тебя пощадить, – говорит он.

Я пытаюсь встать ровно, но из-за того, под каким углом заломлены руки, это почти невозможно.

– Фейри по закону не имеют права нападать на людей.

Он смотрит на меня свысока.

– Я неблагодарный король Зимнего королевства. Я создаю законы. И мне все видится так – ты вторглась на частную территорию королевской семьи. Кто знает, может, ты намеревалась проникнуть в мой дом и навредить мне.

Услышав, как он подтверждает собственный титул, я от ужаса покрываюсь мурашками. Если фейри не могут лгать, то либо он действительно король, либо эта шайка диких созда-

ний слетела с катушек. Но это не имеет особого значения, ведь этот король верит, что имеет право делать со мной все, что ему заблагорассудится. То есть страх перед законом ему неизвестен. Однако я отыскала одно его слабое место.

– Это ложь! Ложь, и ты сам это понимаешь!

Я жду, когда его лицо исказит гримаса, и он после моего обвинения скорчитя от боли. Только этого не происходит.

– Не ложь, – протягивает он хриплым голосом. Фейри вокруг хихикают. – Лишь точка зрения. Так что не смей думать, что я обязан тебя пощадить. Это будет жестом доброй воли, поняла?

Стиснув зубы, я заставляю себя кивнуть.

– Хорошо. Тогда ты должна понимать, что, если я обещаю тебе свободу и отпущу тебя в город невредимой, ты останешься у меня в долгу.

Я с силой глотаю слюну, и становится тяжело дышать.

– Пожалуйста, отпусти меня. Я никому не расскажу о том, что случилось.

– О да, ты хочешь получить свободу, так? Скажи, насколько сильно ты этого хочешь?

– Очень сильно, – выдавливаю я сухо и резко.

– И как сильно ты будешь благодарна, если я велю стае отпустить тебя, чтобы ты добралась домой?

– Очень благодарна.

На его лице появляется наглая полуулыбка, и он делает шаг вперед.

– Настолько благодарна, что решишь, будто обязана мне жизнью?

Ярость и ужас внезапно отодвигаются на задний план, и вместо них в голову закрадываются подозрения.

Король смотрит на меня самодовольно.

– Более того, ты внезапно хочешь что-то отдать, чтобы продемонстрировать свою благодарность. Возможно... то, чем дорожишь сильнее всего? Разумеется, по собственной доброй воле.

Я распахиваю глаза шире и замечая, как некоторые фейри пытаются подавить смех, а другие безмолвно наблюдают с нетерпением. Даже надеждой. Вновь обращая взгляд на короля, я чувствую, как гнев охватывает все мое тело и кипит кровь. Задействовав всю оставшуюся силу, я рвусь вперед, заставляя тюремщиков врасплох. Заслушавшись речью их короля, они ослабили хватку, из-за чего сейчас отшатнулись, подарив мне возможность освободиться. Воспользовавшись моментом, я заношу руки и колочу короля по груди.

– Ах ты чертов... ты обманул меня! Снова!

Мое нападение не производит на короля никакого впечатления, как будто он не чувствует моих ударов. Все так же твердо стоит на одной ноге, опираясь на посох. А вот выражение его лица мрачнеет, и в глазах не видно ни капли веселья.

Тюремщики вновь заламывают мне руки.

– Свяжите ее и бросьте в темноте, – рычит он. – Напишем новую записку с требованием выкупа. В которой *не будет* говориться, что она невредима. И если ее отец не выполнит требования, найдем другой выход. Возможно, выберем другого члена семьи. – Он глядит на меня с триумфом.

Другого члена семьи. Я тут же думаю о Нине.

– Не трогай мою семью!

Толпа фейри начинает расходиться, а Чернобородый и старуха тащат меня к стулу. Развернувшись, король хромой походкой устремляется к двери.

– Стой! – кричу я вслед, когда он успевает переступить порог. – Мы можем все обсудить. Он игнорирует меня и исчезает в коридоре.

Тюремщики толкают меня к стулу, заставляют на него сесть и поднимают веревки.

Я глубоко вдыхаю, набираясь смелости, и кричу:

– Расскажи о проклятии!

Чернобородый и старушка цепенеют, внезапно затихает звук шагов. Пока король не возвращается в комнату, стуча посохом по полу, складывается впечатление, будто время на мгновение застывает. Он скалится, не скрывая раздражения, и спрашивает:

– Кто тебе рассказал о проклятии?

Слышу тихий резкий вдох, и вдруг Мика выглядывает из-за двери и яростно мотает головой. Я поднимаю глаза на короля.

– Довольно очевидно, что здесь замешано проклятие. С какой еще стати тебе так надо мной издеваться? Пытаться раз за разом обмануть, чтобы я принесла ради тебя глупую жертву.

Его грудь вздымается.

– Глупую жертву?! – шипит он, и от его низкого голоса меня потряхивает. – Эта глупая жертва может стоить мне жизни!

– В таком случае, ты все делаешь неправильно. Требование выкупа, запланированные нападения, уловки. Это никогда не работает.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь.

– А ты расскажи. Вместо того чтобы использовать меня как приманку, сделай меня союзницей. – Я стараюсь держать лицо, чтобы не выдать правды. Что у меня нет намерений заключать союз с этим фейри. Мне просто нужно больше фактов. Больше переменных. Тогда я смогу приплюсовать необходимое, вычесть лишнее и вычислить его слабые места.

Мы несколько мгновений безмолвно сверлим друг друга взглядами, и король сощуривает свои глаза цвета граната. Возможно, они не обладают богатым рубиновым оттенком, какой был у него в волчьей форме, но в них точно есть что-то хищное.

Наконец он нарушает тишину.

– Вон, – произносит он сначала тихо, а потом ревет: – Все пошли вон!

– Даже мы... – начинает Чернобородый.

– Вон! – кричит король.

Чернобородый и пожилая женщина освобождают меня и торопятся выйти за дверь.

Замечаю таращащегося на меня Мику, но уже через секунду Чернобородый закрывает за собой дверь, и я, дрожащая как листок на ветру, остаюсь наедине с королем.

Глава XI

Из-за оглушительной тишины мое сердце учащенно бьется. Это не тишина умиротворенных гор или спокойного леса. Подобное безмолвие – предвестник бури.

Не сводя с меня глаз, король делает шаг навстречу, затем еще один.

Я поднимаюсь со стула и расправляю плечи. Все мое существо молит бежать, съежиться, но я отказываюсь повиноваться. Досчитывая до пяти, выравниваю дыхание и сжимаю руки в кулаки, чтобы прекратить дрожь. Затем настолько твердо и решительно, насколько могу, нарушаю тишину:

– Ты на самом деле неблагодой король Зимнего королевства?

Он игнорирует мой вопрос и скалится, но в лице его читается сомнение. Он разрывает наш зрительный контакт и расслабляет плечи, медленно сокращая расстояние между нами. Я не двигаюсь с места, мой пульс повышается, но, приблизившись ко мне, фейри машет рукой:

– Отойди.

Я отступаю в сторону, и он занимает мое место у стула, после чего опускается на него. Опирается о подлокотник и подпирает голову кулаком. В другой руке он держит посох.

– Значит, – произносит он холодно и отстраненно, – ты хочешь стать моей союзницей.

«Нет, – думаю я. – Я хочу воспользоваться твоими слабостями. Ударить в больное место». Но вслух говорю:

– Мне кажется, мы можем сработаться.

– Ладно. – Он небрежно взмахивает рукой. – Убеди меня в том, что мне нужен этот союз.

Неторопливо, немного неуверенно, я отхожу на несколько шагов и поворачиваюсь к нему лицом.

– У меня есть несколько вопросов. Для начала скажи, правда ли это. Ты король?

– Да, – раздраженно отвечает он.

Так, он подтвердил это уже дважды. Можно ли ему верить? Или он сумасшедший фейри, который верит в свое королевское происхождение?

– Если ты король, то где твои богатства? Вся роскошь?

Он приподнимает бровь, словно не понимает моего недоумения.

– Я богат.

– Тогда почему не одеваешься, как король? Где твоя корона?

– Зачем все это? – фыркает он. – Даже есть человеческое выражение... Как оно звучит?

Свинья в золотом ошейнике – все равно свинья, или как?

Я слегка озадачена, но решаю продолжать.

– А это... – я жестом обвожу комнату, – твой дворец?

– Это место, где я живу, – лишь отвечает он.

Мысленно завожу бухгалтерскую книгу и в воображаемую колонку вношу имущество. Он предположительно богат. У него есть захудалое поместье. А материальная ответственность? Какие слабые стороны? Он не может лгать, только вряд ли мне от этого будет польза. Значит, необходимо добыть больше информации. Продолжать хитрость с союзом.

Я задаю следующий вопрос, делая вид, будто мне просто любопытно:

– Я не слышала твоего имени. Ни здесь, ни в Верноне. Это правда, что ты его не знаешь?

– Мое имя забыто, и не только мной, но и любим, кто дерзнет обо мне подумать. Это часть проклятия, медленно стирающего мои воспоминания и воспоминания фейри, живущих под моей крышей. Наши имена канули в Лету первыми.

Наконец мы подбираемся к чему-то интересному.

– Почему тебя прокляли?

Он на мгновение встречается со мной глазами, и в них виднеется злость.

– Я убил человека. – Он содрогается и, словно под грузом, склоняется вперед. – Несколько человек.

От его признания пересыхает в горле.

– За что?

– Они... – Король мрачнеет. – Они выследили и убили моего собрата-фейри, так что я отомстил и убил всех, кто принимал участие в охоте. Я... не знал, что волка убили на землях, где разрешалось охотиться, потому моя месть была противозаконной, более того, не согласованной с Верховным советом.

Я киваю, хотя почти ничего не понимаю. Насколько знаю, Верховный совет – высший государственный орган Фейривэя, в него входят правящие короли и королевы всех королевств, и он сотрудничает с представителями человеческих дворов. А вот о разделении земель на те, на которых можно и нельзя охотиться, не подозревала. Полагаю, это логично: чтобы какие-то зоны были безопасными для фейри, а какие-то оставались открытыми для людей, желающих охотиться ради забавы, выживания или торговли.

– Тебе не сообщили, где убили волка?

– Я знаю, где его убили, просто... не понимал, что это была за земля.

– Это произошло не на твоей территории?

– На моей.

– Ты не знаешь собственные земли? – Я выгибаю бровь.

Он злобно на меня смотрит:

– Когда-то я знал их, как подушечки моих лап. Я правил Зимним королевством, всем им, сотни лет. Но когда королевство переместилось...

– В смысле переместилось?

– Ты не знаешь историю Фейривэя? – снисходительно спрашивает он. – Признаю, ты едва ли старше щенка, но должна была слышать о войне.

– Я слышала об обеих войнах, и последняя кончилась двадцать лет назад. Просто... я здесь недавно. Переехала несколько недель назад. – Я прикусываю внутреннюю сторону щеки в надежде, что не пожалею о своем признании. Хотя пользы в сокрытии информации не вижу.

Выражение его лица смягчается, и он начинает говорить почти доверительно:

– Тогда ты наверняка слышала, что в прошлом Фейривэй звался Фейр Айлом и был поделен пополам. Северная его часть называлась так, как называется весь наш остров – Фейривэй. А южная часть звалась Исли и находилась под контролем Бреттона. Когда Бреттон предал людей и развязал войну на острове, всех спасли именно фейри. Мы сражались с армиями людей, победили их и возвели по периметру каменную стену, зачарованную магией. Полагаю, когда ты переезжала, тебя сопровождали во время прохода меж камней.

– Да, – сообщаю я.

На самом деле, когда наш корабль причалил в порту, в доках прибытия ждал целый взвод стражников-фейри. Меня, отца, сестру и еще нескольких человек, которым обещали гражданство, сопровождали по два вооруженных стража, и они вели нас меж двух гигантских каменных стен, выстроив в один стройный ряд. Невидимое волшебное поле не горело огнем и не переливалось мерцающими огоньками, но во время пересечения волоски на затылке вставали дыбом. Я содрогаюсь при воспоминании об этом ощущении.

– На мгновение, – продолжает король, – представь, каким остров стал после войны. Южная часть, прежде принадлежавшая людям, теперь оказалась под контролем фейри. Верховному совету потребовалось несколько лет, чтобы перераспределить поделенные территории, провести новые границы. Многим из нас пришлось перемещать дворцы, дома, народы. После этого земле нужно было адаптироваться к магии и климату каждого королевства. Я оказался среди тех, кому не повезло. Королем, вынужденным покинуть привычный трон и перебраться на юг, на земли, все еще смердящие железом. Я отказался отстраивать свой дворец

заново и предпочел разместиться в горных пещерах. Меня не волновали люди и решения, которые Верховный совет принимал касательно моих владений, потому что мне все равно не давали высказаться.

Я хмурюсь.

– Разве ты как король неходишь в Верховный совет?

Он горько смеется.

– Мои предложения слишком часто отклоняли. Скажем так, в совете находилось – да и осталось – немного моих поклонников. Уверен, чувства были бы взаимны... если бы я помнил этих глупцов, – бормочет он последние слова себе под нос.

– Значит, ты просто не уделял должного внимания разделу территорий?

Он беспокойно ерзает на стуле, не желая встречаться со мной глазами.

– Именно.

Я поджимаю губы и не могу его пожалеть, учитывая, что он оказался в нынешнем положении из-за собственной безалаберности.

– Так, выходит, ты отомстил группе людей, пойдя против закона, и за это получил проклятие. Это... нормальное наказание для фейри?

Он пожимает плечами.

– Фейри специализируются на сделках и проклятиях, а когда дело касается наказаний, Верховный совет проявляет чудеса изобретательности.

– И давно ты проклят?

Король закрывает глаза и потирает лоб большим и указательным пальцами.

– Пошел пятый год. И если проклятие не снять, оно определит мою жизнь. – Его голос звучит одновременно раздраженно и вымученно.

– Как это? Оно может отнять не только воспоминания?

Он открывает глаза и смотрит на меня сквозь упавшие пряди спутанных волос, так непохожих на белоснежную шерсть его волчьей формы. Издав лающий смех, он качает головой.

– Воспоминания, – вторит он. – Вот бы оно отнимало только воспоминания. Пускай проклятие их забирает, мне плевать.

– А что еще оно отнимает?

Король поднимается на ноги, опираясь на посох, и хромой походкой ковыляет к окну. Я остаюсь на месте и наблюдаю за тем, как он глядит в то же окно, через которое я не так давно следила за ним.

– Почти пять лет назад, – начинает он, – меня приговорили к году наказания за каждую отнятую жизнь, всего их было пять. И в конце приговора проклятие обрушится на меня с полной силой, меня навеки лишат четырех вещей: воспоминаний, магии, бессмертия и неблагодатной формы. По сути, я стану смертным человеком, не имеющим понятия, кто я. Но ничто из этого не будет иметь значения, потому что, став смертным, учитывая, сколько мне лет, я проживу несколько секунд. Я уже видел, как протекали похожие проклятия. Не самое гуманное наказание.

Перед мысленным взором предстает ужасная картина: как мужчина стремительно старится на моих глазах, а его кожа покрывается морщинами и следом слезает с костей. Я тяжело сглатываю.

– А сейчас? Проклятие уже как-то на тебе отражается?

– Да, – кивает он. – В течение пятилетнего срока я вкушаю горький вкус набирающего силу проклятия. Сначала я лишился магии и возможности принимать неблагодатную форму в любой момент, кроме полнолуния. Тогда я могу использовать магию, чтобы обратиться в волка. В остальное время я заперт в человеческом теле. Без связи с магией.

Я хмурюсь и вспоминаю жуткие романы об оборотнях, которые меняли облик, когда на них падал лунный свет. То есть в этих страшных сказках есть крупица правды?

– Но ты был волком утром, – недоумеваю я. – Луна тогда не взошла.

– День или ночь, значения не имеет, – говорит он так тихо, что его едва слышно. – Пока луна полная, я могу перевоплощаться, но всего раз. Если я не приму благой облик по собственной воле, то, когда луна начнет убывать, меня вынудят стать человеком силой.

Изучаю его пару мгновений, и мое внимание привлекает деревянный посох.

– Ты лишился ноги из-за проклятия?

Король качает головой и задумчиво глядит в окно.

– Я потерял ее на войне. На второй. В общем, когда у меня отобрали магию и неблагую форму, я начал стариться, как человек. Страдать от боли. Потом стали стираться воспоминания. Первым я забыл свое имя. Потом пошли другие мелочи. Прочие имена. Лица. Порой я не могу припомнить ощущение морозного воздуха, ерошащего мою шерсть. – Он хватается за раму окна, и костяшки его пальцев белеют.

Не нарушая тишину, я размышляю обо всем, что он мне рассказал. Пока ничего такого, что могло бы помочь выбраться отсюда. Должно же быть хоть что-то. Что-то, чего он еще не поведал.

– Ты сказал, проклятие обрушится в полную силу в этом году. Ты знаешь когда?

Король кивает:

– Розы подсказывают, что скоро.

– Розы?

Он прислоняется головой к стеклу и раздраженно вздыхает.

– Так как у меня нет дворца, мне выделили это поместье, брошенное однажды жившими здесь людьми. Оно исполняет роль позолоченной клетки, удерживающей меня и мою стаю в границах проклятия. Мы неспособны отходить от дома слишком далеко, а любой фейри, который случайно забредет в радиус действия проклятия, заразится им, тут же приняв благоую форму. Однако посетители попадают под проклятие временно, и они могут покидать территорию имения. Для меня же и тех, кто был на моей стороне, когда проклятие вступило в силу, оно постоянное.

Понятия не имею, как это связано с розами, но решаю не издавать и звука. Чем больше он рассказывает, тем больше у меня возникает вопросов. Зачем кто-то из его подданных решил остаться с ним в момент наложения проклятия? Почему все не сбежали?

– Вместе с поместьем, – продолжает он, – мне вручили двадцать роз, и у каждой почти по сто лепестков – у каких-то больше, у каких-то меньше. И с момента вступления проклятия в силу каждый день падает по одному лепестку, сначала с одной розы, потом со следующей. А место опавшего цветка занимает куст ежевики, уничтожающий жизнь, что прежде цвела. Сегодня я наблюдал за тем, как упал последний лепесток с предпоследней розы. В саду остался лишь один бутон. Вероятно, с сотней лепестков. После которых проклятие свершится.

Я обдумываю сказанное. Примерно три месяца. Если он собирается удерживать меня, пока я не поступлю, как ему хочется, придется терпеть именно столько. Затем, если он говорит правду, он умрет, и я буду свободна.

– И не надейся. – Он пристально смотрит на меня. – Я сниму проклятие.

Задрав подбородок, отодвигаю расчеты на задний план.

– И как ты намереваешься это сделать?

Он отходит от окна и делает несколько шагов ко мне.

– Мне дали два способа снять проклятие. Первый: у меня отняли четыре вещи, и, если я пожертвую той, которой дорожу больше всего, мне оставят те, что для меня менее ценны.

Я от удивления распахиваю глаза и стою, разинув рот.

– Стой, то есть ты говоришь, что можешь снять проклятие сам? Но вместо этого похищаешь людей и требуешь за них выкуп?

– Ты меня не слушала, что ли? Чтобы его снять, я должен пожертвовать тем, чем дорожу больше всего, и останется то, что для меня не так ценно. Кроме того, это лишь частичное снятие проклятия, а не истинное.

Я прожигаю его взглядом.

– И чем же ты так дорожишь, что не готов самостоятельно избавиться от проклятия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.